

А. Воронов-Оренбургский

ИМАМ ШАМИЛЬ



Последняя цитадель

ТОМ 1

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский
Имам Шамиль. Том первый.
Последняя цитадель

«Автор»

2018

Воронов-Оренбургский А.

Имам Шамиль. Том первый. Последняя цитадель / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-08089-8

1859 год. Кавказ в огне без малого полвека... Русские войска стальным кольцом окружили теряющийся в облаках исполинский кряж, где находилась последняя цитадель имама Шамиля. На место действия прибыл главнокомандующий князь Барятинский. ...Впереди всех ожидают чудовищные испытания, врата ада, а награда – кровь врага и пленение заклятого Шамиля. Хорошо понимает это и сам князь. Оно и понятно: его соперник и смертельный враг – человек-легенда, всесильный и непреклонный Имам Дагестана и Чечни – великий Шамиль, священный Газават для которого, стал смыслом всей его жизни. Фотографии из личного архива автора. При оформлении обложки книги использована репродукция картины Н. Сверчкова «Портрет Шамиля». Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08089-8

© Воронов-Оренбургский А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Воронов-Оренбургский Имам Шамиль. Том первый. Последняя цитадель

*Покаюсь, если
Чьих-то слез
Я стал виной.
Аминь.
А кто обиду
Мне нанес...
Пусть кается.
Аминь.
(Клятва война)*

Пролог

Есть у кавказцев, что издревле живут в Дагестане, в неприступных горах и ущельях Аварского Койсу, седая легенда. Как предания горцев, она поучительна и наполнена мудростью веков. А звучит она так:

Мы родились двое – в стране гор, похожих на застывшее пламя, под Великим Синим небом, в родовом гнезде беркута – с белым веером хвоста и черными, крапчатыми метинами на концах. Отец и Мать приносили нам в булатных клювах извивающихся змей, которых мы рвали на части своим голодом и когтями...

...Шло время. Мать и Отец сбили нас – орлица тугим крылом, орёл – железным клювом. Мы были сброшены из гнезда вниз, с оскаленной высоты, чтобы мы – дети – расправили свои орлиные крылья... И узрели синюю глубину родного ущелья, просторы своей страны, величие мира.

...Своего крылатого брата я больше не видел...

Уо! Я долго искал его. Призывал своим клёкотом. Рыдал и страдал...

Потом я поднялся на иные высоты. Сурово дрался в Небе с другими орлами гор. Не на жизнь, насмерть дрался. Был бит, истерзан, исклёван... Побеждал.

...Позже под Солнцем – Бакъ, я познал клич воли – Эркеньли. А вскоре услышал призыв Создателя!

...Тогда я воспарил ещё выше, под бирюзовые своды Великого Неба – и увидел Жизнь. В моих чёрно-карих крыльях холодным хрусталём звенел ветер свободы... мои длинные перья шевелила Правда – Хакъикъат, которую я узрел с высоты...

Так звучит одна из древних легенд седой Аварской земли.

Так однажды, горный орёл Кавказа, встретился в небе с русским степным орлом, что вторгся с Севера.

Их смертельный бой длился полвека!

Кровавый рубин тех перьев, мы чтим и поныне – мы потомки великих северных лесов и равнин России и гордые сыновья вздыбленных поднебесных гор Кавказа.

– Дэль мостугай!¹..Гяур иай!!

– Ясын² вель кран иль хаким ин нага...

Так восклицали, так пели в те грозные годы, истекающие кровью аулы. Так пел, стрелял и рубился насмерть непримиримый Кавказ.

Что тут добавить? Иншалла! – такова воля Аллаха!

– Господи помилуй! Святый, Крепкий!..

– Кто виноват? Что делать?!

...Да-дай-и! Если бы знать, что сей могучий степной орёл ...и был мой брат!

Бисмиллагъи ррахИмани ррахИм! От Всемогущего Аллаха... Потомки бессмертных слушайте песню перьев, голос тишины и волчий ветер, что скорбно воеет на могилах погибших героев.

Слушайте, размышляйте, делайте выводы...

Не правда ли братья, нам есть о чем задуматься? Ещё раз оглянуться назад. Чтоб делая шаг вперёд не допустить смертельной ошибки. Не пролить новой крови.

Да даст вам Творец, чего ждёте! Голова да будет здрава! Держитесь большой дороги мудрых предков и отцовских друзей.

¹ Божьи враги; ругательство, в основном направляемое по адресу неверных (гяуров, кафиров) (чечен).

² Отходная мусульманская молитва, которая читается на смертном одре и на могиле покойника для «упокоения душ умерших» (араб.)

Светлый день да не минует вас! Аллах да выпрямит для вас путь.
Ассалам алейкум! – мир вам!

Глава 1

1859 год. Нагорный Дагестан. Андийское койсу.

На склоне горы Киялтль, что близ аула Ишичали, куда гумбетовцы – люди Солнечной Стороны – выгнали на летние пастбища баранту, собрались перекусить пастухи. Было среди них немного андийцев, вошедших в долю с чабанами Людей Солнечной Стороны на нынешний приплод и теперь дожидавшихся срока. И те и другие радовались приезду в их пастушеский стан отряда прославленного мюршида Гобзало Урадинского. Тут же зарезали двух лучших баранов. Вола-ги! Такой именитый гость всегда событие для простых пастухов в забытой Аллахом глуши.

Убоина сварилась в котлах, и чабаны приглашали наперебой опаленных солнцем мюридов занять на разостланных бурках и войлоках места, подходящие возрасту и положению каждого.

– Жанире лъугья, хириял гьалбал!

– Ай-е, кушайте, чем богаты...

Совершили омовение и краткий намаз, который позволителен правоверным, коих застал час молитвы в пути. От горячей шулпы в пиалах шел дразнящий запах. Поданы были и зажаренные целиком на трезубых вертелах, докрасна зарумяненные туши баранов. Набросились на еду. Засверкали кинжалы перед носами, отсекавшие куски мяса. Крепкие зубы впились в баранину, капал с сочных кусков расплавленный сладкий жир – едоки урчали как волки, хвалили нежную ароматную, схваченную дымком убоину.

После еды, как водится, заплелись разговоры, грозившие перейти в ожесточенный спор. Уо! Время на Кавказе было военное, опасное, грозное. Народ разделился надвое: одни горячо настаивали на продолжении Газавата с неверными урусами князя Барятинского, другие стояли на том, что солнце Имама закатилось и Аллах отвернулся от Шамиля за его деспотизм и жестокость к своим одноверцам.

* * *

И то правда... Развязка в полувековой войне на Кавказе наступила в начале этого лета. Русские силы на Северо-Восточном Кавказе пришли в мощное, всесокрушающее на своем пути движение. 1 июля русские штыки и пушки выбили Шамиля из резиденции Дарго-Ведено. Чеченский отряд под командованием генерала Евдокимова вышел в долину Койсу и с боем форсировал ее, произведя панику среди ошеломленных горцев. С севера-запада наступал Дагестанский отряд генерала Врангеля, а с юга – Лезгинский генерала Меликова.

С оставшимися верными пятью сотнями мюридов Имам ушел из Чечни в Дагестан, где его семья и преданные соратники остановились в селении Ишичали и стали в срочном порядке укрепляться на соседней горе Киялтль.

«Подступы этой твердыни были упрочены с большими и ревностными стараниями. Арсенал Имама: пушки, ядра и порох, весь скарб и пожитки тех, кто был с ним, перевезли на эту высоту, и по утверждению очевидца мудреца Абдурахмана из Газикумуха, оно было даже дважды укреплено под инженерным руководством Хаджи-Юсуфа».³

Хай, хай... Признаться по совести, по своему расположению это было не лучшее место, ровно как и жители, которые населяли эти края. Мюршид Гобзало был свидетель и помнил: Имам приказал андийцам и гумбетовцам, из ближайших аулов, подняться для работ и защиты на гору Киялтль. Билла-ги! Никто этому распоряжению не подчинился, исключая жалкую горсть людей, пришедших с обеих областей. Тем не менее, Повелитель правоверных собирался

³ Мухаммед-Тахир аль Карахи «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», Махачкала, 1990г.

оказать яростное сопротивление царским войскам: «Бисмиллагъи ррахІманы ррахІм...Клянись Небом, я намерен драться с гяурами, будь я один или с другими».

Однако звезды сложились иначе. Последующие злополучные обстоятельства заставили покинуть укрепленную высоту.

Русские не стали штурмовать Киятлинскую цитадель Шамиля, а вместо этого быстрым маршем направились в горный Дагестан, оставив в стороне укрепления Шамиля. Они прекрасно понимали: стратегически много важнее успеть в центр Нагорного Дагестана, привлечь на свою сторону горцев и тем самым лишить Повелителя последней надежды.

Мюриды Гобзало из Урады знали, что когда Шамиль укрепился на горе Киятль, князь Барятинский (Ак-паша) со своим войском расположился на горе Танду, а генерал барон Врангель встал лагерем в селении Аргвани. Их целью было: Барятинский выступил через Андийское Койсу в земли каратинцев, а Врангель – в Аварию через мост Сагри. Лишь тогда люди Шамиля прозрели, – их обвели вокруг пальца, оставив на горе Киятль без всякого внимания, так как задача врага была пряма и выверена, как брошенное в цель копьё, – захватить Дагестан, подчинить его племена – и только! Оттого же, что Имам избрал эту гору крепостью, русским ровным счетом ничего не угрожало, и они могли спокойно, без помех отправиться своим путем.

В горах роптали: «Каждый урус начальник выступал из своего края со своими последователями. И были с ними грузы «красные и белые» – «золото и серебро», которые захватывали сердца народов и держали рабами свободных».

Талла-ги! Люди гор теперь радостно встречали войска командующего князя Барятинского, который до глубины души поражал горцев своей щедростью и теплым отношением.

Да-дай-ии! Сколотить оборону Киятля и поднять горцев ближайших селений, Шамилю и его сподвижникам так и не удалось. Обескровленный народ безмерно устал от непрерывной войны; уже не было ни физических, ни духовных, ни материальных сил продолжить Священную войну против огромной империи. В тоже время золото и серебро Белого Царя было в тысячу раз сильнее в деле покорения горцев, чем штыки и пушки.

Предчувствуя близкий крах Имама, «Шамиль спешно создавал в начале июля 1859 года в Хунзахе совет наибов, алимов, вождей и предводителей обществ и представителей государственной власти на местах. О созыве съезда было известно и царскому командованию. Генерал Меликов рапортовал генералу Евдокимову, что Шамиль созвал в Хунзахе военный совет с наибами и духовными лицами о том, как противодействовать наступающим царским войскам».

Шамиль остановился в большом селении Геничутль, в сакле аварского наиба Дибира. Съезд открылся на живописной скальной возвышенности возле аула. Гаджи-Али Чохский отмечал: «Прозорливый Шамиль замечал, что наибы и народ стали другими, хотят изменить ему и предаться русским, а потому приказал всем наибам, ученым и сотенным начальникам, старейшинам и другим почетным лицам поклясться, что они не изменяют ему. Уо! Все поклялись на Коране, что если они изменят, то пусть жены и дети бросят их. Уо! Однако, все изменили ему!»

Хай, хай... Аллах свидетель, не прошло и одной луны, как большинство «верных» наибов и почетные лица Шамиля, давшие клятву бороться до конца, один за другим, как листья по осени отлетают от дерева, начали переходить на сторону царских войск со своими крепостями и мюридами. Воллай лазун! Изменники охотно принимали щедрые подарки и подношения от генералов Белого Царя. Как позже говорили в горах, «они валом и в розницу продавали свою честь и достоинство за царские монеты».

Потрясенный повальными предательствами Шамиль, со своими близкими и семьей, в тяжелых раздумьях покинул гору Киятль, после чего наиб кадий из Ишичали по приказу Имама сжег оставшееся на этой горе снаряжение и уничтожил пушки. Биллай лазун! Так и не вступив в сражение, перестала существовать крепость – резиденция Имама Шамиля на горе Киятль выше селения Ишичали.

Летучий отряд мюршида Гобзало был оставлен уходившим в Гуниб Шамилем, у Киятля, для наблюдения за русскими полками. Не ввязываясь ни в какие стычки и перестрелки, не обнаруживая себя, они должны были посредством гонца, всякий раз упреждать своего Повелителя о любых передвижениях неприятеля.

* * *

Самого Гобзало ныне у пастушеского костра не было. Жизнь воина-гази коротка, да и могила его не на кладбище. Храбрость, что молния – она мгновенна. Потому, пользуясь случаем, он рискнул отправиться в свой аул Ураду, до которого от Ишичали верхом на коне был день пути. Вместо себя он оставил кунака-одноаульца Магомеда сына Исы, по прозвищу Одноглазый Маги. Смелый и быстрый на расправу, весельчак, играющий своей и чужими жизнями, он вместе с Гула и Али составлял кулак отряда Гобзало. Кулак, как доказало время, способный пробивать самую крепкую броню.

Красавец Али сын Будуна, стройный, как тополь, сдержанный и молчаливый, вполне преданный своему мюршиду, олицетворял достоинство и благородство.

Иным был Гула по прозвищу Львиная Лапа, – сильный и твердый, что кремень, он всегда оставался скрытным, себе на уме и всегда непроницаемым для собеседника. Одно в нем было просто и ясно, как медный пятак: он оставался не только предан Шамилю и Газавату, но и испытывал непреодолимое отвращение и презрение, гадливость и ненависть ко всему русскому, за исключением их оружия, которое любил и ценил, пожалуй, даже больше, чем наложниц и лошадей. Даже среди урадинцев суровых друг к другу и беспощадных ко всем остальным представителям человеческого рода, Гула сын Басыра, выделялся своей жестокостью, кровожадностью и цепким расчетом.

Хай, хай... Никто не ведал, сколько велика его скрытая сила. Гула никогда не мерился ею на состязаниях в Гидатлинском сообществе: ни с силачом Удуратом сыном Ханапи, ни с Гобзало, ни с Малачи. Но все знали, что тот, кто становился на его пути, неизменно терпел поражение. И счастлив был багатур из другого аула, отделавшийся одним увечьем; многие кровники и урусы расстались с жизнью, и Гула присоединил их головы к своим прежним трофеям.

Между тем, народ, собравшийся у радушного костра чабанов, долго волновался и горячился, но ни к какому решению так и не мог прийти.

Тогда слово взял до срока молчавший Магомед и сразу, у дремлющих под седым пеплом рубиновых углей, наступила почтительная тишина.

– Братья, я, как и вы, озабочен. Волла-ги! Четыре солнца назад, великий Имам покинул эту гору, так и не приняв бой. Это плохой знак. Э-э, урусы сильны и хитры, как шайтаны. Скоро здесь будут солдаты, много солдат! А значит, и много горя. Но хуже то, что наибы – изменники, клявшиеся в вечной верности Шамилю, предали нашего Пророка! Предали вас – свой народ!

Все сидевшие двойным кругом у костра, подняли на него глаза и замерли в ожидании. Худой, но жилистый, крепкий, как сыромятный ремень, наголо выбритый, со свинцово-голубым проследком рубленой раны через правую бровь, с выправкой джигита, Магомед внушал уважение. Он по очереди ответил на каждый взгляд своим не вытекшим, но белесо-мертвым, немигающим, как у варана, глазом, (на второй живой и подвижный, почему-то никто не смотрел) затем раскурил трубку. После нескольких секунд тишины, шелкнувшая сушина в костре, прозвучала, словно выстрел.

– Уо! Я тоже видел Барабанные Шкуры на Сулаке. Их видимо-невидимо! А будет еще больше! – не удержался Рашид, и его юные глаза полыхнули черным огнем.

– И мои глаза видели их! – вспыхнул Ташав из тухума Людей Солнечной Стороны. – Вах! Они, как черви в туше буйвола, кишат на нашей земле.

– Тише пастух! Придержи язык, когда говорит воин-мюрид.

Суровый взгляд Львиной Лапы, будто пуля обжег щеку Ташава. Впрочем, и этот скупой окрик Гулы был лишним. Все его лицо напоминало изрубцованный шрамами и царапинами кулак. Глаза горели фиолетовым отсветом. Волосатые руки казались особенно длинными при коренастом торсе, а плечи – непомерно широкими. Мало кто хотел встретиться с ним взглядом. Весь облик урадинца говорил о его чудовищной силе: звериной, свирепой, не знающей пощады.

– Да... Теперь много гяуров из Чечни и Тифлиса придет к нам в горы. И будут хозяйничать на земле наших отцов, – мрачно согласился Одноглазый. – Я говорил с одним из этих гяуров. Он уверен: Белый Царь скоро раздавит Шамиля железным каблуком, как тарантула, и присоединит весь Кавказ к России...

– И ты не вырезал его поганый язык, брат? – снова не выдержал Рашид. В расширенных зрачках сверкали искры ненависти и отчаянья.

И тут чабанов прорвало:

– Ай-е, брат! Что будет с нами?

– С нашими пастбищами и барантой?

– Волла-ги! Сколько будем терпеть зло от урусов? – горячились другие. В их руках подпрыгивали и сверкали кремневые ружья.

– Тише! СихИкьотГи! – Магомед поднял руку. – Честью клянусь, именем своим, нашей вины в том нет, но оправдываться я не буду. По мне, враги Дагестана должны быть убиты. Иншалла.

– Аллах Акба-ар! Твои слова, уздень, согрели наши сердца.

– И наши души не спокойны, люди! – с горечью, словно надорванным голосом, продолжил урадинец. – Сами видите: каждое ваше слово, каждый вопрос и меня, и его, и его, и его... – он указал на своих кунаков-мюридов, – ранят, как стрела, но я повторяю! Не мы предали Имама! Не мы продались неверным за золото! Помните слово Шамиля: «Изменникам лучше находиться под землей, чем на земле».

– Нам придется защищать наши горы! – взял слово Али. – Идти некуда! После смены двух лун, все, кто, остался предан Газавату, соберутся с оружием в Гунибе. Там мы будем защищать Имама и свою свободу! Там, в последней битве с гяурами, решится судьба Дагестана, Чечни и всего Кавказа!

До этого, сидевшие в плотном кругу пастухи, шепотом говорили о переходе на летние пастбища, о том, что станет с их хозяйствами, лошадьми и скотом, если придется снова терпеть притеснения от урусов. Но после слов Али Хижалова, – заговорили все. Разговор разом принял бурный характер, подобный сходу на годекане. Выше остальных поднял голос престарелый чабан Юсуф, по прозвищу Душа Ножа:

– От наших дымов не пойдем! Я первый отдам своих коней сыновьям, возьму ружье и буду биться с ними! Билла-ги! Да будет нам Аллах в помощь!

– Ты мне на горло петлю не накидывай! – рычал другой соседу. – Кровь так кровь! Мало мы ее проливали?! Я готов! Смерть от руки неверного угодна Аллаху!

– Кхэ-э... Плетью огня не потушишь, Хасан! Лишь сыновей потеряешь. Что делать будешь, когда офицер придет с солдатами? А-А?..

– Зарежу собаку! Потом его псов! Потом его жену и ублюдков. Если есть скот, зарежу и его!

– Э-э, напугала мышь кошку! Барабанные Шкуры удавят тебя вместе с твоими сыновьями и бросят в канаву!

– Вах! Сам мышь пыльная! Заткнись! Не то дурную башку отстрелю!! Эй, гумбетцы-ы! Что несет этот андиец?

Одноглазый Маги сидел, как и другие, скрестив ноги, в мягких сафьяновых без каблуков сапогах и курил. Малиновый «огненный глаз» хищно вспыхивал в чубуке при каждом вздохе. Он курил и глядел, не мигая на брызжущих слюной чабанов, чувствуя бритой головой дуно-

вение теплого воздуха. Видел, как мюриды охладили пыл чабанов; растащили гумбетовцев и андийцев, готовых в споре перегрызть друг другу глотки... Со всех сторон, он, как и Али, как Гула, был под обстрелом глаз единоверцев; повсюду были лица, исхудавшие после голодной зимы, утомленные тяжелым трудом, с блестящими глазами, жадно и с надеждой взиравшими на них. Коричневые, перепачканные, изработанные руки горцев, крепко сжимали оружие.

Магомед выбил прогоревший табак о край сапога. Легко поднялся.

– Бисмиллагъи ррахИмани ррахмим... Люди, я рад вашей решимости. Воллай лазун! Мы вместе будем защищать Гуниб и могилы предков. Небеса не купить, а землю нельзя продать. Если есть жизнь, есть и надежда. Биллай лазун! Мы будем драться. И если суждено, умрем все, как один. Эти горы – наши, и мы их никому не отдадим. Хо! Мой язык все сказал. Аминь.

– Да продлит Аллах твою жизнь, джигит! – старый Юсуф, буро-красный, с мокрой от пота спиной, жадно облизал зачерствелые губы. – Твоим голосом, уважаемый, говорит Небо. Воин-гази дерется там, где может, где его враг... А пуховое перо летит, куда дует ветер. Уо, правоверные! Встанем за Шамиля, как прежде! Если гяуры придут к нам. Вырежем их сердца и скормим собакам!

– Аллах Акбар!

– Аллах Акба-ар!! Аллах Акба-ар!!

* * *

Огненные слова мюрида упали на сидевших в круге людей, как гром среди ясного неба. Мало кто ожидал такой воинственной и решительной речи. Время ныне в горах было другое... Время скорби, позора, предательства. Но слова прозвучавшие... Это были слова мужчины. Защитника. Воина.

Ошеломленные и подавленные сидели люди. Кое-кого пробрал озноб от дурных предчувствий грядущего. За спинами дагестанцев горный ветер трепал и косматил пышную зелень сосен по склону горы Киялять, и тихий шорох ветвей и хвои напоминал не то неуловимый рокот боевых барабанов, не то потусторонние стоны и голоса, павших в битвах воинов.

Внезапно многие ощутили накатившуюся на них волну сыпкой дрожи, как перед боем... Люди быстро ощутили в воздухе запах прогорклого дыма. В реальности его не было, но они все равно чувствовали его, как волки – загонщиков. Казалось, он исходил от их собственных несвежих одежд: черкесок, бурок, папах от веку пропахших потом, дымом костров и кислой овчиной. Так пахнут горящие сакли, где сгорает хозяйское добро: кожи и войлоки, звериные шкуры, мотки шерсти и одеяла, ковры и циновки, мука и зерно, трупы убитых людей... Так пахла война – рагь, пахли засады и сечи, спаленные коши, загоны для баранты... Так пах расстрелянный ветер, так пахла сожженная жизнь...

Уо! Сказанное слово – пущенная стрела. Не высказанному слову ты хозяин, высказал – ты его раб. А сказано андийцами и Людьюми Солнечной Стороны было довольно.

Класться Кораном и бунчуком тухума – суровая клятва. Слову данному перед этими святынями – нельзя изменить, и каждый дагестанец скорей перережет себе горло кинжалом, отречется от брата, и даже любимой своей.

Волла-ги! Да и дело, ради которого теперь «перекипал» народ, собравшийся у подножия Кияляля, было нешуточным делом. Вольным обществом угрожали оковы и цепи. Грозный северный сосед, опрокинувший на лопатки воинственную Чечню, готов был со дня на день вторгнуться в их родной край. Ненасытный белый человек, как лев, рыкающий, в неумолимой жажде славы и все новых земель, готов был обратить меч против Дагестана, жаждал подчинить и его своей власти, пусть даже пролив новые реки крови.

Горцы понимали грозящую им опасность и мрачно молчали, сжимая в руках оружие, поглядывая, то на отары овец, усеявшие зеленые уступы скальной гривы, то на прогоревший костер, то на свои нехитрые пожитки, лежавшие в куче у прокопченной пастушеской хижины.

Вдруг далекий гулкий хлопок выстрела, со стороны селения Ишичали заставил всех разом повернуть головы. Сухой треск выстрела постоял в ушах и пропал. Никому не подвластное эхо долго гуляло в гудящих скалах.

– Уо!! Воре! Смотрите! Вон там! – зоркоглазый Ташав возбужденно указал стволом старой кремневки на черную точку.

Глава 2

Это был всадник – джигит, по всему аварец, стремительно несущийся по узкой межгорной долине. Он бешено гнал коня, будто за ним на крыльях летела сама смерть-хвел. Полы его темно-синей черкески были заткнуты под ременной пояс, кожаные ноговицы перехвачены у колен учкурром, на ногах, – чувяки. Видно было: держит он путь издалека и по крайней важному делу, потому как, заметив дым костра, он тут же свернул, одержимо направив коня прямо на огонь, все крепче и яростнее ускоряя галоп скакуна.

Гонцы-вестники редко встречаются в горах, поэтому собравшиеся с нетерпением и опаской всматривались в приближающегося: каждый ждал известия от своих.

– Ай-е! Где его видел?

– Иай! Кто бы это мог быть?..

– Худжа Алла... как спешит! – взволнованно перебрасывались чабаны, заслоняя глаза от солнца, бьющего лучами прямо в лицо.

Больше других тревожились гумбетовцы. Ишичали их аул. И страх за родных клещами сдавил сердца. Кровь отхлынула от напряженных лиц, и они стали похожи на восковых кукол: краска снаружи и пустота внутри. Беспокойство передалось мюридам. И хотя, положение обязывало их быть сдержанными и невозмутимыми, они, вслед за другими, направились навстречу гонцу. Магомед, в висках которого также стучал пульс, не отрывая взора от всадника, привычно вынул из чехла свою подругу-винтовку.

...Джигит тем временем слетел в ложбину, пересекавшую пастушью тропу, скрылся из виду. Накал страстей стремительно нарастал. И когда несколько мгновений спустя, он снова появился по другую сторону откоса, Маги и Али с радостным волнением подняли руки в приветствии. Оба узнали лазутчика Гаджи-Омара из отряда чиркеевских мюридов, которые остались до конца верными Шамилю.

– Добрый твой день, Гаджи-Омар!

– Дай и вам Аллах, братья! – поспешно соскочив с коня, воин прижал руку к груди в знак приветствия.

Его тут же окружили. Столпившиеся не знали с чего начать расспросы, – так много не терпелось им узнать. Тяжело дышавший, весь в красно-бурой пыли гонец, будто нарочно молчал. Но слишком встревоженным казался он, чтобы молчание его можно было принять за шутку. Воллай лазун! Видно, с худыми вестями явился джигит.

Магомед вздрогнул. Первая мысль, как укус змеи, была: «Имам Шамиль». Вторая – «Гобзало». « Но нет! Не может быть!» – восстало все в душе. – «совсем с другой стороны, с севера примчался гонец...»

– Да говори же какие вести?! – гневно спросил, подошедший Гулу.

– Вести... – чиркеец поднял глаза, и когда его взгляд встретился со взглядом Одноглазого Маги, тот почувствовал, что кожа у него на затылке стянулась и покрылась ледяными иголками.

– Дайте воды. Пойдем к костру, – расскажу все и всем.

– Уо! Говори, брат, не скрывай ничего! – принимая из рук Гаджи-Омара армейскую фляжку с водой, хрипло пробормотал Али Хижалов. – Не зачем мешкать, когда быка ведут на убой, – прибавил он. – Э-э! Что заставило тебя ...так гнать коня?

– Урусы!!

– Что?! Дуца щиб абураб? – Не веря своим ушам, переспросил Магомед.

– Где?! – медные лица окаменели.

– Дида бичІчІиЧю! Ну же, объясни!

– Андийское койсу, возле Ишичали – аул... Казаки зарубили четырех чабанов-аварцев! Еще двое или трое в заложниках. При них буйволы и баранта.

– Пленные андийцы?
– Нет гумбетовцы... А, может... Э-э, откуда мне знать? Я с ними не разговаривал... Дайте еще воды.

– В-вах-х! Почему молчал?! Почему не сказал сразу!

– Где твой язык был?! – посыпались градом камней возмущенные крики. Многие схватились за оружие, словно уже начался бой.

– Да вы заклевали коршуны! Слова сказать не даете!

– Что там случилось?

– Я купал коня в реке, – сбивчиво начал гонец. – Вдруг вижу беда! Уо! Казаки!

– Сколько?

– Не меньше сотни! Белая Бурка во главе!

Глубокий шрам на лице мюрида из Урады потемнел от прихлынувшей крови. Так тавлинцы прозвали смертельного врага горцев, который пред боем, всегда облачался в роскошную андийскую белую бурку, снятую с убитого им мюршида из Шотроды. Волла-ги! Белая Бурка – знаменитый атаман терских казаков Василий Нехлудов. Матерый волк. Очень опасный враг. Этого «ястреба» Магомед лично видел в деле при Дарго-Ведено. Шашка его подобно сверкающей молнии разила отступавших горцев... Ярость, и беспощадность горели в его выкатившихся, налитых кровью глазах; дикая сила, сродни звериной силе Гулы, и такая же неумолимая жестокость сквозили в каждом его движении.

– Что было дальше? – мрачно прорычал Львиная Лапа.

– Я подкрался ближе. И хоронясь за камнями, все увидел, теперь там только семь гяуров. Остальные умчались в сторону Мехельты. Может, к своим, может, пронюхать чего... Один шайтан знает. Одного малого, лет восьми, отпустили... Урядник обязал доложить старейшинам в Ишичали: если наши вожди будут препятствовать выдаче мюридов, что воевали под знаменем Шамиля, – придут Барабанные Шкуры и казаки... Спустят кожу с каждого пятого! В Ишичали путь закрыт. Через своих я знал: вы, по приказу Имама, оставлены у Киятля следить за неверными. И вот я здесь.

– Э-эй, шакалы! – скаля стертые рыжие клыки, прорычал Душа Ножа. Черная весть взвинтила нервы Юсуфа, сердце которого было готово закровоточить от боли и напряжения. Он словно врос ногами в землю, цепко следя за действиями мюридов. Взгляд старика буравил то лицо чиркеевца, то испепелял выбритые затылки мюридов, и точно кричал: «Чего ждете? Есть среди вас мужчины?! Или вам всем в пору юбки надеть и бабьи шальвары до самых пят?!»

– Ай-е! Чего стоим?! – скулы Одноглазого задрожали от ярости. – Дорогу покажешь?

– Э-ээ! Как не покажу! Только коня свежего дайте.

– Дайте ему коня!

Взбешенный урадинец пытался прислушаться к своему внутреннему голосу, игнорируя все увеличивавшиеся нервные подергивания мышц рук, от чего его пальцы корчились, как когти хищника.

– Воллай лазун! Посмотрим! – горячо воскликнул он. Черные соколиные глаза пылали, как угли. – Значит урядник! Ему, – собаке, не жить! Что думаешь? – Маги в упор посмотрел на Али.

– Давай, с глазу на глаз.

Отошли.

– Ты знаешь приказ Имама, брат. Знаешь, чем рискуешь. На что идешь. Разве забыл слова нашего мюршида Гобзало? Без него тут не обойтись. Его мнение...

– У меня свое мнение! – обрубил Магомед. – Я и ты мужчины. У нас тоже есть честь, усы и папахи на головах!

– Не горячись, брат! – Али сын Будуна, вспыхнул очами, с глубоким укором посмотрел на кунака. – А что скажет на твое самоуправство Повелитель Шамиль?

– Умный не спрашивает. Умный сам до всего догадывается. У Имама две руки. Одной он раздает удары плетью, другой – награды. Но наград будет больше, если... не будешь глуп. Или ты трусишь? – в зорком подвижном оке под аркой круто сведенных бровей мелькнула слюдяной искрой насмешка.

– К-кто я?! – Али вспыхнул, как порох, схватился за кинжал. В его разгневанном взгляде стучал и пульсировал вызов.

– Бихьинчи! Вижу, что нет! Тогда зачем заставляешь меня напоминать тебе слова Шамиля: «Кто думает о последствиях, тот не герой». Не так ли, Гула? – Маги бросил взгляд на стоявшего рядом джигита.

Заросший дремучей синей бородой до самых скул, Гулу лишь двинул массивной челюстью, глаза его хищно сузились. Косматая папаха, надвинутая на брови, грозно качнулась вперед.

– Кхэ! Белых собак много – значит, мюридам Имама их придется много резать. Воллагги! Мы покроем их шкурами наши седла и сошьем сапоги. Иншалла. Едем!

– Алга! Алга!

– Все поедем!! – взорвались гневные крики.

– Братья, медлить нечего! Наши люди в беде!.. – Одноглазый точно камень, метнул в седло свое жилистое тренированное тело.

– Ля илляха иль алла!

– Уо-ех-ех!!

Кони сорвались с места, как пущенные тугой тетивой стрелы.

* * *

Высоко в небе ветер – гьури гнал облака, но над самой землей, над скалами и теснинами, предвечерний воздух стоял неподвижно, теплый, напоенный ароматом душистых трав. Небо было подобно синему океану. Дрожа и переливаясь, растеклась по этой беспредельной лазуритовой глади алая пена заката.

... Кони вынесли горцев на гремучий щебень кургана. Тропу пересекал свежий медвежий след. Покосившиеся гранитные и сланцевые пальцы каньона Андийского койсу остались за спиной. Иззубренная вершина одинокой скалы Шайтан-кьуру надменно взирала сверху на драконий гребень каменного собрата, на изумрудном склоне которого, задержался крохотный черной точкой отряд мюридов. Белые, пепельно-голубые космы тумана тонкими, полупрозрачными слоями, подступали к суровому громадью Шайтан-кьуру – мистическому монументу еще доисламской истории, словно отрывая его от земли.

Хай, хай... Величественное, головокружительное зрелище открывалось отсюда. Казалось, земля спала, – все было безмолвно. И это голо-каменное царство безмолвия, суровых линий и черт, рождало какую-то тоскливо-обреченную, гнетущую тишину.

...Взоры воинов напряженно заострились на Гаджи-Омаре. Тот указал рукой:

– Где курится туман.

Магомед качнул стволом карабина.

– Вперед, братья!

Отряд, извивавшийся как змея, съехал со щелкавшего под копытами коней щебняка, и стал спускаться по козьей тропе к предгорным лугам.

Уо! Где-то совсем рядом враг. Огромный стан Ак-паши, генерала-фельдмаршала князя Барятинского. Это стан, подобный крепости, хоть и без каменных стен. Кузница смертоносной стали и свинца. Солдат там, хоть пруд пруди – цАк гЕмер! На каждом суку для мюрида готова виселица. Здесь ухо по-волчьи держи востро, глаз по-орлиному зорко, а нос по ветру, как тур.

Биллай Лазун! Воины Аллаха не ведали страха, однако, и осторожность, -звериная осторожность была им не чужда. Но знали горцы: они на родной земле. Форт, город-крепость это

одно. А все что вокруг: лес и луга, каньоны и пропасти, горы и выпасы, вырубки и покосы – это совсем другое.

Все здесь в Горном Дагестане, – лукаво-обманчиво. Многое нужно воспринимать с точностью до наоборот. Тут, что не вечер, – прохлада и сырость, тревога и неуверенность, которые дагестанскими змейками неприятно знобят души солдат и поселенцев. Крепость, станица, форпост... аул, поселение, стан – спят они или нет? Трудно понять.

Кругом туман лип: к траве, земле, скалам... К сапогам, зипуну, мундиру... К чувякам, черкеске, бурке... К штыкам и кинжалам... Кругом чугунная темнота: вязкая, промозглая, хоть глаз коли. Горы и лес. Холмы и равнины. Страна горцев и волков.

Страна лошадей и джигитов. Тут даже реки, озера, ручьи и скалы, проплывающие облака говорят на их языках.

... Местные жители пограничья, потомки выходцев из России, на ближайшем «толкуне» – рынке бают с оглядкой, как они-де бояться грядущей ночи. Потому, как за дверями их хат и амбаров, ровно кто еле слышно начинает ходить, открываются, хлопают чердаки, подполы; скрипят петли на дверях и калитках стаек, конюшен и закутов.

– Господи Боже... Царица Небесная... и кто там бродит? Не ведаем...

– Могеть души убитых?. Могеть нечистые духи нехристей?.

– Ан лихоманка-стерва щупат людские дворы и базы... гадает и ворожит: на чью душу хворь напустить...

– А может, то злые башибузуки – Отрезатели Голов... за русской кровью спустились с гор?!

* * *

Быстро неслись кони, ветер свистел в пламенеющих гривах, в крапчатых оперениях стрел стременах, в натянутых удилах.

Внезапно скакуны застыли на месте, как заколдованные, будто высеченные из яшмы. Горцев от противника отделяло расстояние не менее полета пули.

Мюриды, не покидая дубраву, стали всматриваться и приноживаться – точь в точь волчья стая. С их скрытого от солнца склона, были видны раскинутые в ложбине гумбетовские клочки пашен, затянутые зелеными всходами ржи и пшеницы; за скалистой грядой, за редким заваленным на бок пряслом зеленели салатные пастбища. Меловые взгорье горбилось до ближней дубравы, а далее вновь зеленели хлеба, перерезанные грунтовой дорогой, и опять салатно-розовые глянцевитые ломти и краюхи скудных горских пастбищ.

... Ближе к дороге расположились биваком казаки. Тут и там расседланные кони. У родника, прикрытый защитной чинаровой плетенкой, – костерок. На зеленую скатерть земли была брошена скатерть полотняная. Вокруг нее отнятые у гумбетовских чабанов бурки и войлоки. Рядом пыхтел меднобокий походный самовар, возле которого пышно цвели казачьи лампы и косматые, как у горцев, папахи; тут же двумя пирамидами стоячились пики и ружья. Луг, как пчельник, полнился тихим гудом. Казаки переговаривались между собой, шутили и, судя по лицам, были спокойны, как в колыбели.

* * *

Кто-то не выдержал в общем гаме, крикнул запальчиво, молодо:

– Кадысь зачем? На кой... ждать? Все почти собрались!

Поляна крякнула от дружного: «Верна-а-а!»

А молодой, зеленоглазый Митька Зубенок, которому принадлежал звонкий голос, весело щелкнул языком на горский манер:

– С трофеем вас, Антип Авдеич! Ишь, ты! – яких волчар отловили! – Он кивнул на трех связанных аварцев и воткнул, будто шилом: – А вы все тучей кружите, Антип Авдеич. Нут, хоть ссудобили нас урядницким «благословением» своим, чо ли? А тоть водка – зараза в горле взады попреть! – гаркнул в спину урядника Митька, выравнивая в улыбке желтоватую блесну

зубов. Он что-то шепнул приятелям, подмигнул, казаки грохнули смехом. А неумный Митяй с мечтательной тоской протянул:

– В точку мой дядька Гурьян бьет: «скобленные рыла», солдаты значить, совсем из другого теста слеплены, чем наш казак.

– Ишь, ты... – присвистнули у костра.

– А то! К нам ближе чай по кровям и духу горец будет. И разуменья поболее, и форсу, и достоинству! А эти – тьфу! Мякина в башке, да дратва в руке. Одно – «сапоги».

– Да иди ты!.. – снова гаркнули у костра. – Пяхота – сила! Штыки-и!.

– Сам «иди»! Вот у нас, в позапрошлом годе столовался один желторотый юнкер. Так смех один! Все дивовался чудной, пытал, как-таки казаки живут, чой, да чаво? Какову мы, стал быть, роду-племени. Они разумеют – у казака одна плетка, да шашка! Кха-а! Думают – дикой казак и замест души у него бутылошная склянка, да чесало для коня. И тавось не петрють погонники, чо ить мы таки же люди во Христе: и выпить не дураки, и баб равно любим, и девок милуем, swoенному горю плачем, чужой радости не радуемся.

Вот ты, как, Пятро? Кха-а! А я, казак, жадный до жизни стал на энтой войне. Как вспомню, сколько на свете гарных баб, аж сердце жмет! Опомнюсь, чойт мне их всех сроду не придется облюбить... Не покрыть, стал быть, – так ить аж – выть готов с тоски! Такой я знойный до баб стал, что каждую бы до болятки тискал да миловал... Крыл бы и летучую и катучую, лишь бы гарна, красава была... А тут тоже с большого перепугу приладили жизнь: всучат тебе одну «суконку» до смерти – и мусоль ее... нешто не обрыднет до тошноты? Верно гутарю, сват? – Митька по-свойски подмигнул связанному по рукам и ногам аварцу. – У вас-то с этим делом богато. Жируете, будь здоров! То-то, молчит шайтан, стал быть согласен. Ишо воевать с нами рыпнулся! Лежал бы в своей сакле на ковре, дул бузу, да строгал сыновей бы во имя Аллаха, а так... Мало вас чоль на штык брали? Иль о шашке казацкой соскучились? Цы-ыть, сволота! Ты мне глазюки подлы не остробучь! И не скрипи зубами, гада! Ты мне хоть их до корней сотри! Отбегался... будя. Больше скачек – йок. Кирдык тебе, брат. Неча было в атамана стрелять...

– Экий варнак ты, Митька! Пр-рекратить допрос! Кому должно спросят с ирода! – с плеча обрубил урядник. – Тьфу, балабой! Все жеребцуешь? Хохмишь? «Женилка» выросла, покою тебе – чуме не дает! И всей-то разговоры твоены о бабах. Гляди, дожеребцуешь! Выложут тебя тятки потоптанных тобой девок. И поделом!

– Да мы сами с усами, ваш бродь! – рьяно поднялись казаки. – Не горюй, Авдеич. Мы ему перекрут мудей, ак бугаю зараз сделаем! Так, дозволишь, чай, «трофею» обмыть? Ишь ты, при них одних буйволов полста голов, да баранты немерено...

– Так как же? Грех казака маять...

– О-ох, горе-е... Все слабину иш-шите! – Урядник зло потурсучил посеребрянную бороду. – Кто дозор держать будя?

– Так ить держать: Бутков Федот и Никитка Маврин...

– Да черт-то с вами! Но чоб носок в стремя и хвост с гривой не путать! Атаман Нехлудов враз чубы на кулак наматает. И за дикими дозор держать! Не то с ангелами пить будете.

– Обижа-ашь, Авдеич...

– Ажли мы не из тех же казацких ворот на свет вышли?

Петька Серп шлепком высадил пробку, налил братину вровень с выщербленными краями, подмигнул станичникам.

– Э-эх, бабы! Любите нас, пока мы живы. Нуть, вздрогнем!

* * *

Истекло уже несколько минут. Но Магомед будто окаменел в седле. Странное гнетущее оцепенение сковало все его мысли и чувства. В пульсирующем сознании бодрствовала только тревога перед возможной опасностью, беспокойство за жизнь людей.

Скрытый в тенистом сумраке векового дуба, опираясь ладонью о его необъятный ствол, он чувствовал теплую шершавую поверхность коры, чувствовал и проступавшую сквозь разломы и трещины прохладную сердцевину, по которой неслышно двигались и давили вверх соки Матери-земли, распускаясь в птичьей высоте могучей вольной резной листвой.

Глядя на казаков, он не испытал страха. Встречи и стычки с урусами были часты и приучили его быть хладнокровным. Но почему-то в этот раз, сидевшие у костра гяуры, внушали смутную тревогу. У него было ощущение, что ледяной ветер входил ему в грудь, а из спины выходил холод.

...Приглушенный стук копыт, заставил его быстро обернуться

– Кони не стоят на месте. Что решил? Люди ждут твоего слова.

Али говорил тихо, с бесстрастным лицом, по которому скользили сквозь листву розоватые тени заката. Его спина была пряма, как древко копья, кавалерийский короткоствольный штуцер лежал наготове поперек седла.

– Хочу, чтобы вы остались здесь. Держите гяуров под прицелом своих ружей и стрел. Я поеду один к ним. Аллах милостив, возможно, смогу договориться. Там видно будет.

– Давай это сделаю я, брат! – голос Али был негромок, слова тверды, как пули.

– Гуро! Забудь! Это мое дело. Слушай меня! – решительно сказал Маги. – Мы здесь, чтобы вызволить правоверных. Волла-ги! Дагестан – самая красивая и лучшая страна на земле. И мы – ее сыновья – дагестанцы – самый красивый и лучший народ!

– Уо! Эта сабля, – он в мгновение ока извлек из ножен кривой клинок, – принадлежала еще моему деду! Потом служила отцу... И я, сын Исы, хочу поклясться на ее булате, перед вами, нашими горами и могилами предков, – в верности Всевышнему и Дагестану! Билла-ги! Эта сабля не раз умывалась кровью нечестивых свиней, от рук которых, пали наши отцы и деды. Многие из нас еще падут в борьбе и не доживут до счастливых времен... Но мы поклянемся, что во имя наших гор нам не жалко и жизни. Хо! Иншалла!

– Аллах Акбар!

– Аллах Акбар!!

– Аллах Акба-арр!!!

Одноглазый Маги, держа ясный полумесяц клинка, поднял его над папахой. Старый Юсуф просветлел лицом, улыбнулся, увидев благородную отточенную сталь, ослепительно горевшую в ладонях мюрида из Урады. Душа Ножа был доволен еще и потому, что вдруг ощутил крепкий радостный толчок в грудь. Ликовало суровое сердце старого воина, пела истрадавшаяся от горя, ожесточенная душа. Как никогда, он чувствовал вместе со своими юными сыновьями Гани и Мусой, – огненное единство в рядах горцев. Воля и крепость, сила и непреклонная вера бились в черных глазах. Видел он, как жадно, нетерпеливо смотрели его сыновья и другие, на смелого мюрида, следили за его быстрыми, точными движениями. Взволнованные, просветленные, словно их наполняла сила, переливавшаяся из солнечного клинка, джигиты с нетерпением ждали приказа-амру.

Глава 3

В 1856 году главнокомандующим Кавказской армии, генерал-фельдмаршалом князем А. И. Барятинским Его Величеству Императору Александру II, на зеленое сукно стола, был положен детальный план завершения войны с горцами. Кавказская кампания – самая длинная война в истории России, тянувшаяся почти шестьдесят лет и стоившая метрополии огромных финансовых и бесчисленных человеческих жертв, подходила к своему логическому завершению. И решительно всем в ней не терпелось поставить точку. Н- да... Это была беспримерная по кровопролитию война, которая потребовала от своих героев не только мужества, но и изощренного коварства. Война, – победа в которой завершила строительство самой великой из мировых империй.

План главнокомандующего не только развивал идеи легендарного генерала А. П. Ермолова, но и был дополнен проектом разделения кавказского театра на военные округа, командующим которыми представлялась достаточно широкая самостоятельность в рамках общего руководства со стороны наместника.

Государь, внимательно изучив представленный план князя, одобрил эту концепцию, ставшую прообразом военной реформы семидесятых годов XIX столетия.

Результатом «сего Высочайшего одобрения» стало решительное, повсеместное возобновление наступательных операций русских войск на Кавказе, приостановленных в годы Крымской войны. «Было начато концентрическое движение русских войск в глубину Чечни и Дагестана. Последовательными яростными ударами, оголтелый в своем религиозном фанатизме, противник был опрокинут, выбит из непреступных цитаделей и оттеснен в горы. Все делалось теперь методично, основательно, не на страх, а на совесть».⁴

Основная задача армии: лишение имама Шамиля свободы передвижения по лесистой предгорной местности. Уж что-что, а молниеносные, кинжальные атаки мюридов, русский солдат изведать с лихвой. И не раз, и не два, умылся собственной кровью.

То верно... Стремительные переходы делали Имама и его хищные скопища неуловимыми и вездесущими «демонами»...

Следовало, – костями лечь, но сделать так, чтобы они стали видимыми и предсказуемыми.

– Эх, ладило б тебя на осину, Шмель Иванович!– ворчали в усы у бивачных костров ветераны.

– Шоб тебе на штыке поторчать!..

– Ан, погодь, стервец... Погодь, покастун... Не долго тебе осталось русское мясо клевать. Ево высокопревосходительство дюже крут и скор с вашим братом. Ей, Бо... Он, сокол, козьяков не ловит, заставит вас, сволочей, жрать конско дерьмо.

Целые батальоны под прикрытием казачьих сотен и драгун «денно и ношно» рубили широкие лесные просеки, расчертившие Чечню и Дагестан концентрическими кругами и пересекающими их радиальными линиями. А в узловых точках этой стратегической сети закладывались русские крепости и форты.

Мудрую, продуманную стратегию органично дополняла гибкая «племенная» политика, представлявшая собой полную противоположность деспотичным порядкам Имамата, опиравшегося на суровый кодекс Шамиля. Быстрыми темпами внедрялось и так называемое «военно-народное управление». Корневой смысл его состоял в возрождении прежних, переплетенных с адатом, норм и обычаев утверждения племенной справедливости. Сообразуясь, как писал государю князь Барятинский, с «местными особенностями и обстоятельствами».

⁴ Н.Н.Гродненский «История вооруженного конфликта», Минск, 2008г.

Как Бог свят! Милосердие наместника Кавказа – Александра Ивановича Барятинского действовало неизмеримо сильнее деспотизма Шамиля. К концу 1857 года едва ли не все горские племена окончательно убедились, что им следует бояться русских пушек, но не русской мести.

После падения Дарго-Ведено, окончательного захвата Чечни и многих обществ Дагестана, границы Имамата сужались такими же быстрыми темпами, как они расширялись дотоле в 1840-1845 годах. И последнему чабану теперь было ясно: дни господства Имама сочтены. Что тут скажешь? Шила в мешке не утаишь, как и в молоке волос не укроешь. Основной надеждой Шамиля теперь был Нагорный Дагестан, хотя большая часть его уже бесспорно признала власть Белого Царя.

Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Для дальнейшей борьбы сохранения государства Имамат не было ни экономических, ни политических, ни социальных условий, все ресурсы, в том числе и людские, были у крайней черты.

Меж тем, как сообщали секретные эпистолы и депеши, разгрому Шамиля в значительной мере способствовало существенное ослабление поддержки со стороны соседних горских народов, вызванное постоянными хищническими набегами его воинов Аллаха, жестоко грабивших, угонявших в горы скот и людей, с целью выкупа. В результате война с неверными «на истребление» приобрела открыто грабительский характер, а «мюридизм» стал лишь формой освящения захваченной добычи.

Еще одним «клином» раскола горцев, были предпринятые Шамилем карательные походы против племен, проявивших покорность русским, в результате которых под корень вырезались целые аулы, а то и тухумы, и тейпы. Попутно с этой «очистительной кровью» порядок наместничества выковывался в родовую клановость, а «Кодекс Шамиля» – «Огонь и Меч возмездия» доводил систему доносительства до полного абсурда.

* * *

Однако трудно разуть настоящее, не ведая прошлого. Тот, кто не прошел Военной тропой Шамиля, не способен понять весь трагизм предназначения его рокового жребия. Его судьба Воина, защитника Кавказских гор, родного гнезда, – слышна в клетоте и взмахах орлиных крыльев. Слушайте, песню перьев!

Волла-ги! Второй этап Кавказской войны начался в 1834 году, когда горские племена возглавил третий Имам Дагестана – Шамиль. Он был аварцем по происхождению, родом из аула Гимры Койсубулинского общества Дагестана. Этот необыкновенный горец появился на белый свет в 1-й день месяца мухаррама 1212 года Хиджры, то есть, 26 июня 1797 года. Он был рожден для свершения великих дел, для грандиозных сражений и реформ, чтобы в веках прославить стойкость и мужество героев Кавказа и навечно вписать кровью своё имя в мировую историю. Кодекс Шамиля, его «низамы», равно как вся другая деятельность этого человека, оказали, не смотря ни на что, огромную положительную роль в истории народов всего Кавказа.

Хай, хай... Даже рождение Шамиля и то, окутано паранджой, сотканной из тайны-бальгольги. «Яйцо ястреба – на земле, но ему суждено летать по небу», – говорят горцы. Волла-ги! Правда и вымысел в этих краях почти не различимы, как камни на речной отмели. Каждая гора-даг здесь имеет свою историю, свою сокровенную тайну. Но сюжет этой горной, поднебесной страны, куда как сложнее! Ведь Кавказ – край, отнюдь, не только заоблачных гор, страна снежных барсов, быстроногих коней и смелых джигитов, управляющих ими. Кавказ – это ещё и древний край мистических историй и седых легенд.

Аул Гимры, что рядом с вольным Гидатлем, – это сердце Дагестана. «Предания старины глубокой» гласят: здесь жили великие ясновидцы, умевшие предсказывать будущее... Чародеи и жрецы способные дотянуться рукой до луны-моцї, умевшие ходить по облакам и воде, разговаривать на языке птиц и зверей...

Любого путника, забредшего в эти места, потрясают до глубины души безумные провалы каньонов, сказочные вершины гор, устремлённые алмазными ледниковыми пиками в бездонное Небо...и тайны Синих гор. Эти легенды живут и сегодня, соединяя прошлое и настоящее: в шепоте листвы чинар, в журчании горных родников, в клёкоте орлов и курлыкание, пролетающих журавлей...

Вот как звучит одна из них, связанная с чудесным рождением Шамиля.

...Однажды поздней ночью гимринцев разбудили громкие частые выстрелы. Вооружаясь на ходу, горцы выбежали из жилищ, полагая, что на аул напал враг. Но на поверку оказалось, что это пьяный от счастья кузнец Доного Магомед палил в небо с плоской крыши своей сакли. Уо! Рождение сына – большое событие для горца. На «мавлид» – благодарственную молитву – собралась вся аульская община. Дед Шамиля по обычаю нашептал младенцу особую молитву, а затем нарёк дитя именем Али.

...Но счастье Доного и его жены Баху-Меседы было не долгим. Злые духи витали над колыбелью сына... Ребёнок оказался слабым и болезненным. Сверх того, он заразился оспой, от которой тогда умирали даже сильные воины. Ах-вах иту! Безутешные родители младенца потеряли всякую надежду. Готовы были уже запеть отходную молитву-ясын.

...Аксакалы посоветовали дать ребёнку новое имя.

Хай, хай...По горским поверьям, лишь крайнее средство могло сбить с толку злых духов, когда те явятся за душой Али. Родители так старались спасти долгожданного сына, что имя ему выбрали редкое, о котором здесь никто и не слышал, – Шамиль.

Волла-ги! К всеобщему изумлению, средство оказалось столь действенным, что мальчик стал быстро поправляться и скоро обогнал в силе, уме и развитии своих сверстников...

Так уж издревле повелось, что к именам знаменитых горцев добавлялись названия аулов, а то и целых народов.

Отца Шамиля звали Доного (Денгав), и поначалу Шамиля звали Шамиль-сын Доного. Позже Шамиль стал Шамилем Гимринским, так как он происходил из аула Гимры, ещё позже, за доблесть и смелость, – Шамилем Аварским, потом Дагестанским, Кавказским...

Билла-ги! Став всемирно известной личностью, Шамиль вновь стал Шамилём, не нуждавшимся в каких-либо уточнениях или дополнениях.

...Но далеко не всё так просто, да гладко было на жизненном пути Шамиля. Суровые испытания ждали его на протяжении всего пути Воина: потери близких, гибель соратников, радость побед и горечь поражений, и как терновый венец – предательство. Вероломство и коварный обман тех, кому доверяло его большое, гордое и отважное сердце...

– Уо! Не верь тем, кто вещает, что между союзниками меч войны из войлока. Аминь. Верь тем, кто предостерегает: «Не заводи друга, который нам дарит рот, а врагу – сердце. Аминь».

* * *

В ту грозную пору горные и предгорные местности Большого Кавказа населяло около сотни разноплеменных этнических общностей. Однако, даже во времена самых кровопролитных сражений, непосредственно в Кавказской войне, в жестоких рубках с русскими солдатами и казаками, дагестанцы, чеченцы и адыги приняли только частичное участие. Горским вождя так и не удалось поднять все шашки Кавказа на борьбу против России.

Не помогли ни Ислам с его лозунгами Джихада и Газавата, ни провозглашение Имамата Шамиля. В боевых действиях участвовали также осетины, грузины, кабардинцы, часть равнинных дагестанцев и представители других кавказских народностей – только вот, ведь какая история, – они воевали на другой стороне – в составе русских войск. Так ли случайно?..

«Имамат – это военно-теократическое государство в Дагестане и Чечне, возникшее в ходе Кавказской войны в конце 1820-х гг.

Последним камнем в строительстве Имамата стало объявление Шамиля Имамом – верховным правителем Дагестана (1834г.) и Чечни (1840г.). Столицами его поочередно становились аулы: Гимры, Гоцатль, Ашильта, Чирката, Ахульго, Дарго, Дарго-Ведено и Гуниб.

Между тем, само устройство Имамата представляло собой весьма сложную пирамиду и крепко напоминало восточную деспотию. Одно из наиболее ярких и выпуклых отличий Имамата – единая и непререкаемая государственная идеология – мюридизм, – своеобразная духовная кабала, благодаря которой мюршид-учитель безраздельно владел жизнью мюрида-ученика.

Сакральность власти осуществлялась и достигалась путём альянса – её духовного и светского начал в должности Имама. В священном лице которого, соединялись: командующий войском, первосвященник, верховный властитель и судья.

Официальным титулом Шамиля было заимствованное из традиционной мусульманской государственности словосочетание «Амир ал-муминин» – Повелитель правоверных.

Билай лазун! Являясь одновременно всем в одном лице: и правителем государства, и духовным вождём Кавказа, Имам тем самым поднимался, как монументальная твердыня над всеми другими скальными грядями – структурами военизированной администрации и горского общества, и становился естественным звеном связи между народом и Всевышним Творцом.

Уо! При Шамиле мобилизация горских сообществ достигла воистину грандиозных, невиданных доселе размеров. Лишь один Северо-Восточный Кавказ содержал шеститысячную армию всадников Имама и семидесятитысячное ополчение. Все мужчины от 16-ти до 60 лет несли военную повинность. Хай, хай... Даже женщины были обязаны иметь пики-хеч с отточенными железными остриями.

Проявившим в сече трусость пришивали на одежду кусок яркого войлока. Отменно видного издалека. Избавиться от сей позорной отметины и общественного презрения можно было лишь доказав свою храбрость. Нередко ценой жестоких ран, пролитой кровью, но чаще смертью в бою.

Как не прискорбно, но Кавказская война в большей степени была связана не столько борьбой горцев и русских, как принято считать, сколько постоянной войной горцев между собой. Так говорят источники, так говорят очевидцы. «Если уши хозяина глухи, а глаза слепы, это не значит, что другие не слышали и не видели обвал в горах». Увы, единой силы против Российской Империи ни Шамиль, ни его предшественники и последователи выдвинуть не смогли. А потому в период Шамиля, масштабы и контуры его Имамата постоянно менялись, в зависимости от военных успехов и поражений. В результате чего границы были подвижными, а «плеть и слово» власти – весьма эфемерными, поскольку степень их устойчивости во многом зависели от способности самого Имама и его набов силой оружия и страха подчинить своей воле разные свобододолюбивые племенные сообщества-тухумы и тейпы.

И право дело: «едва ли не все военные успехи Шамиля сводятся к карательным походам против своих единоверцев. Причём! – Повелителю правоверных приходилось действовать куда как более жестоко, чем генералу А.П. Ермолову, А.И. Нейдгардту или князю А.И. Барятинскому, именами которых матери-горянки пугали своих малолетних детей.

Волла-ги! За инакомыслие, за связь с «урусами» – рубили головы, хотя русские войска передавали нуждающимся продовольствие, одеяла, хозяйственный инвентарь, а так же оказывали бескорыстную медицинскую помощь.

Эти свидетельства прошлого весьма красноречиво свидетельствуют о том, что далеко не все горские народы и племена даже Северо-Восточного Кавказа (не говоря уже о Северо-Западном Кавказе) горели желанием признать власть и низамы Шамиля».⁵

* * *

⁵ Н.Н. Гродненский, см. там же.

Каждое время – рождает своих героев. Уж, видно, так сложились звёзды... Шамиль начал свой огненный путь с казни Булач-хана и убийства сорока пяти человек древнего рода феодалов Султаналиевых, содержащихся под арестом в узилищах-зинданах его родового селения Гимры. Горы Дагестана помнят: множество богатых и независимых аулов, такие как: Унцукуль, Чирката, Орота, Тадколо, – названий их не счесть, были покорены Имамом шашкой и пулей.

...В Дженгутае Шамиль разрушил и предал огню дворец Ахмед-Хана Мехтулинского, угрожал «большой кровью» Темир-Хан-Шуре; вырезал, как овец, в ряде селений «греховную знать», а также истребил почтеннейших людей – «белую кость» Андаляля, Кадиба, Соситля и много других несговорчивых, свободолюбивых селений.

Уо! Шамиль выезжал к народу в сопровождении вооружённых мюридов и палача с секирой; ординарные казни проводились прилюдно путём расстрела, закалывания или побития камнями. Прорусские настроения карались нещадно, с восточной жестокостью. Всюду свинцом и булатом насаждались атмосфера сурового аскетизма. Были запрещены: праздная музыка, танцы, украшения в одежде, потребление вина и табака, даже на свадьбах.

По Шариату преследовались легенды и сказания, напоминавшие горцам о старинных обычаях и обрядах. Вместо бежавшего преступника неумолимо карались его родственники, друзья-кунаки, сочувствовавшие одноаульцы, тогда как Коран гласит: «Никто не отвечает за вину другого».

Воллай лазун! «Доподлинно известна «церемония пожатия рук», которую муртазеки, тайная полиция Шамиля, применяли для казни истинных и мнимых врагов Имама. Неподозреваемой жертве протягивали руки сразу два мюрида, а когда по обычаю, чтоб не обидеть «гостей», приходилось подавать обе руки, их заламывали за спину, стремительно, без проволочек, довершая дело кинжалами».⁶

Ближайшими помощниками наибов были дибирьы. Впрочем, они разбирали и решали самые незначительные дела, а более важные передавали на рассмотрение муфтиев и наибов. В ведении последних находились татели, которые следили за исполнением горцами норм Шариата и низамов, а также приводили в исполнение приговоры о телесных наказаниях.

В Имамате существовало ещё и сообщество мухтасибов. В их задачу входил тайный контроль над деятельностью названных выше должностных лиц. Мухтасибы сообщали Иمامу о результатах своих наблюдений для принятия скорых и надлежащих дел. Между тем, низамы Шамиля преобразовали на территории Имамата большинство отраслей права: государственного, уголовного, гражданского, административного, земельного, финансового, семейного. И, так или иначе, сыграли огромную роль в истории племён и народов Северного Кавказа.

...Тем не менее, после падения Дарго-Ведено – лучшей столицы Шамиля, положение Имама крайне ухудшилось. Вся Чечня теперь находилась под контролем царских войск. «Все вилайеты Ичкерии, один за другим попадали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушёл с Имамом, кроме одного наиба Османа, и тех, кто был ранен».⁷

Мрачен и тяжёл был взор великого горца из Гимры. Некогда воинственные и многочисленные горские племена единодушно провозгласили его в Урус-Мартане «Имамом Чечни и Дагестана». Воллай лазун! То было великое время. Время громких побед под знаменем Газавата. Повелителю правоверных удалось поднять всю Чечню и Дагестан! И это, не смотря, на жуткую кровь, потери и поражения горцев под Ахульго. Вся связь русских войск между северным и южным Дагестаном, Чечнёй и Ингушетией была нарушена. Весь Восточный Кавказ вспыхнул как порох!..

⁶ Кольев А. «Чеченский капкан», М., 1997

⁷ Мухаммед-Тахир аль-Карахи, «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах.» Махачкала. 1990г

Да, так было... Да, его провозгласили верховным вождём за святость и мудрость, за волю и мужество, за непримиримость к врагу, за силу и ловкость... Но кануло время то безвозвратно! Теперь он сам, по воле злого рока, стал заложником обстоятельств.

Ещё не сорвана была с его головы папаха с белой чалмой, ещё не были отняты врагом его острые шашка и кинжал, но близость последней черты уже ощущало его разбитое сердце, а неотвратимая судьба уже распростёрла над ним свои чёрные крылья.

Шамиль видел: многочисленные царские войска со всех сторон продвигаются в Нагорный Дагестан, к последнему оплоту и надежде Имама, где он надеялся защитить остатки своего, ещё недавно сильного государства.

* * *

В первой половине апреля 1859 года Шамиль и его «ареопаг» с остатками войска остановили коней в селении Ишичали, входившем тогда в состав Гумбетовского наибства. Остальные отряды расположились в других селениях, многие тайно разъехались по родным саклям, отказавшись поддержать Имама в последнюю минуту.

Исходя из складывающейся ситуации, прислушиваясь к словам мудрецов, что гадали на орлиных перьях, на лошадиных зубах и на бараньей лопатке, поставив последнюю против света, и внимательно изучавших обозначившиеся на её поверхности сакральные линии и знаки, Шамиль решил укрепиться в одной из высокогорных точек Дагестана и драться с гяурами до последнего.

Уа-да-дай, я-да-дай, да-дай-я, да-дай!

Уа-да-дай, я-да-дай-ш-и-и...

Вовремя бури на равнине пробираясь в ущелье,

Во время снега в горах пробираясь в долину,

Родным братом, считая кинжал,

А сестрой – винтовку,

Как лев, который собирает зверей для спасения львят,

Любимую свою семью на поднебесном кряже собрал

Имам... Для защиты собрал...

Для смерти или победы собрал...

Уа-да-дай, я-да-дай, я-да-дай, дай-дай-я, да-дай.

Уа-да-дай, я-да-дай-ш-и-и...⁸

– Бисмилагъи ррахИмани ррахИм!...

После догматической молитвы, правоверным разрешается делать «дуа», обращаться к Всевышнему с просьбами личными, импровизированными для случая. И Имам просил у Неба:

– О, Алла,.. – если я задумаю что-нибудь несправедное, то отврати мои мысли и удержи мою карающую руку. Если дело правильное, то укрепь мою волю и руку. Прости мне мои грехи... Прости грехи всем несчастным, вынужденным идти моею тропой Войны, тропой Крови, Голода, Огня и Смерти... Аминь.

Но сколько бы ни совершал намазов Шамиль, гнетущее чувство тревоги и обречённости не покидало его обожжённого сердца. И на то были причины... Состояние оставшихся войск и ополчения было крайне тяжёлым, а точнее чудовищным. Люди устали от бесконечной войны и крови; страдания и лишения были столь велики, что они теперь жаждали только мира и спокойствия. Бедность, нищета, голод, болезни и разруха царили везде. Разгромленные вой-

⁸ Песня о Шамиле (записана в Чечен-ауле Д. Курумовым от певца Саида Мунаева). пожалуй, и родилось пословье: «Голод из дому гонит, нагота – в дом».

ной селения, незасеянные поля, заросшие сорняком и бурьяном сады, сожжённые сакли – не радовали глаз, добивали и без того искалеченные души. Вдобавок, из-за двухлетней засухи и нещадного падежа скота, в горах Дагестана ещё губельнее усилился голод...

И потому желающих воевать против огромной армии Белого Царя, двигавшейся, как «стальная океанская волна», полная золотом, серебром, хлебом, а главное, – обещанием мирной жизни, оставалось меньше, чем мало, как зерна в дырявом хурджине. Народ был обозлён и изнурён до крайности. Во многих аулах умирали дети, люди питались травой, нищенствовали; были сакли, из которых люди лишь ночью выходили на улицу, потому, что не было одежды. В те годы,

* * *

Волла-ги! Глазами Имама, – преданного своими наибами, израненного войной, – исподлобья следил Седой Кавказ за своими сыновьями.

Горные тропы Чечни и Дагестана с севера на юг вознесли на хребты перевалов десятки тысяч беженцев. Их горла задыхались в проклятиях, из босых ступней сочилась чёрная кровь; стылый ветер горных вершин вздымал лохмотья их одежд, рвал и кусал полы изодранных бурок.

– Халалъ рукИне куцаль! Так жить нельзя, люди! Куда ведёт нас, Имам? Нам больше нет жизни... Мы пр-роклёты Небом! Аллах отвернулся от нас!! – клокотал народный гнев у сирых костров.

– Вахх! Все наши ущелья дымятся адским огнём пожарищ...

– Урусов больше, чем звёзд на Небе! Больше чем листьев в ичкерийских лесах... Кровью сердца клянусь! Мы все сдохнем... с ним! Все до одного! И все наши дети! – остервенело летело от пустых котлов.

– Заткнитесь псы!

– Закройте пасти, шакалы! Мы не продажные шкуры!!

– Знамя Газавата не выгорает! – яростно свистели в ответ злые плети мюридов. – Помните, что вы горцы! Помните правоверные, слова Повелителя: Малым народам нужны большие кинжалы! Мало иметь отвагу. Надо ещё, чтобы её признал враг! Храбрость – это умение править не только конём, но и собой!

– Аллах Акба-ар! Победа или смерть! – фанатично взрывались голоса. Но было их меньше, чем мало, как воды в разбитом кумгане.

Билла-ги! Глазами Шамиля, – отчаявшегося в душе, изверившегося в своей правоте и удаче, – хмуро взирало Вечное Небо на горцев.

...Зажатые теснинами тропы были запружены беженцами. Поднимаясь на двадцать восемь петель Анди, безнадежно изнывали обессиленные на подъёме кони, набухали кровью зрачки подъярёмных молчаливых буйволов и быков; надрывно хрипели понукающие глотки погонщиков. В обозе много умерших стариков. Живые внуки, многих из них, уже убиты в стычках с солдатами и казаками... И мёртвые, тянули за собой живых... Цепляясь друг за дружку, ломались с треском оси скрипучих подвод, арб и кибиток.

...Перешедшие на сторону неприятеля горцы, тут и там, с горных высот, поливали метким свинцом дороги. Выстрел, жгучая боль: будто в грудь, голову или спину ударило жало стальной оси и... нет человека. Нет героя-защитника. Нет быстрого, как волк-борги, джигита... чьего-то сына, мужа или отца...

Грохоча по вершинам хребтов эхом, взрывались ядра горных единорогов; с бешеным визгом хлестала по скалам и людям шрапнель. Навзрыд плакали отставшие дети, не в силах найти в толчее кормильцев-родителей; не ведая: тех уже нет, после утреннего обстрела.

Да-дай-ии! Третьего дня пронёсся ледяной степной ливень, – вытянутой руки не было видно. Андийское Койсу мутно и многоводно – ревело шайтаном... А впереди мост через поток, обыкновенный горский мост-кью, ещё не готов, не укреплён, как должно. Вай-уляй!

Мост рухнул. Пенная стремнина понесла, захлёбывающихся в ужасе людей, выючных лошадей, мешки и прочий скарб. Кровники-канлы, идущие по пятам, торжествовали над зажатými в теснинах людьми, добивали несчастных свинцом и кинжалами. Их победный боевой клич, словно, вой волчьей стаи, заглушал предсмертные стоны жертв...

* * *

Накануне снова был ливень, выше Ингиши обрушилась и завалила ущелье скала. Пока расчищали путь, срывая в кровь ногти, остановились беженцы, отягощённые поклажей и вьюками. Люди падали на камни, не в силах подняться. Безумие и ужас...

Отступающие вместе с Имамом беженцы, почувствовали это в полной мере, когда шли по дороге к горе Килятль. Шли двенадцать часов непрерывно, не останавливаясь, не замедляя хода, не подбирая упавших, оставляя их неприятелю, который сплошными массами двигался сзади и через пять-шесть часов стирал следы горских ног, своими сапогами. Стоял зной. Косматое солнце было столь огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит в пепел в беспощадном огне. Многие обезвоженные, потерявшие счёт времени, шли, ехали с закрытыми глазами, слыша, как движется вокруг них нескончаемый поток: тяжёлый и неровный топот ног, людских и лошадиных, скрежет железных колёс, раздавливающих мелкую гальку и щебень; чьё-то надорванное дыхание и сухое чмяканье запёкшихся губ... И вдруг, протяжный свист пуля. Погонщик ткнулся головой в колени, другой выронил вожжи и тихо сполз под колёса арбы. Гулко полыхнул новый залп, ещё и ещё...

В обозе взбесились лошади, с визгом лягали свалившихся раненных седоков. На краю дороги неистово билась в постромах подстреленная пристяжная, около отряда мюридов с размаху опрокинулась зелёная кибитка и женщины, и пёстрые узлы с одеждой посыпались в жёлто-красную пыль. Над скалами тучей повисло конское ржание, крики, команды, беспорядочная пальба...

С лязгом пронеслась в хвост каравана сотня мюридов. За ней вторая и третья под предводительством сына Имама, – Гази-Магомеда. С деревянным бортом повозки сочно поцеловалась пуля. Две других вгрызлись а спину старика Султи, рухнувшего под копыта своей белой клячи...

То была очередная сабельная сшибка с гребенскими казаками, Отхлынувшие от шашек мюридов казаки, грудились возле глинистого угора, перекипали, колыхались в яростной схватке с горцами, как под ветром. Озверев от страха и яри, и те и другие кололи и рубили почему попало: по спинам, папахам, по рукам, по гривам и оружию... Осатаневшие от смертельного ужаса лошади налетали и жестоко сшибались; рвали друг друга зубами, били копытами.

Не выдержав натиска горцев, казаки прорвали оцеп из шашек, понеслись прочь, истекая кровью. За ними погнался бесстрашный юный Хасан из Кахиба. Почти в упор убил его чубатый рыжий есаул, рванув из-за пояса пистолет. Это и послужило переломным моментом в схватке. Казаки, крепко потрёпанные, – потеряв двух молодцов и хорунжего, рассыпались, отошли. Их не преследовали. Не стреляли вслед. Гребенцы поскакали напрямки к своим. Горцы, подняв застреленного Хасана, запутавшегося ногой в стремени, ушли за караваном к горе Килятль.

Аллах Акбар! Впереди их снова ждал бой, снова рубка-резня, вновь мясо и кровь, слёзы и смерть...

* * *

Талла-ги! Глазами Пророка правоверных, потерявшего твердь под ногами, мрачно смотрели горы на идущих по следу горцев неумолимых русских солдат.

Мудрый, прозорливый Повелитель Кавказских гор понимал причину своих неудач, своего заката. И эта правда была сурова и жестока, как война. Тотальная изоляция мятежных территорий и одновременно предельная лояльность русских ко всем, отказавшимся от вооружённого противостояния, привели правление Шамиля к его логическому концу – к внутренним

распря, кровной мести (которую он всячески пресекал), и крушению всех запоздалых надежд на мир с Россией.

Хай, хай... Давний враг кунаком не станет. Воллай лазун! Сто друзей – мало, один враг – много. Биллай лазун! Добро не гниёт, враг не забывается. Как верно и то: войску, не имеющему вождя, на войне не выпадает счастья.

Увы, Имам Шамиль поздно осознал свой промах...Сплошное превращение мужского населения в воинов подорвало, поставило под слепой нож всю основу хозяйства горцев, но более того грозило крахом вырождения. От двух прекрасных дев – дитя не родится. Священный Газават против неверных-гяуров «до последнего горца» буквально грозил Кавказу поголовным избиением мужского населения – до последнего горца.

Глава 4

Нагорный Дагестан, Кахибский перевал.

В необыкновенно стылый июньский вечер на горной тропе, что петляла на северных склонах, показался вооружённый с головы до ног одинокий всадник. Голова и лицо его до самых глаз были повязаны карминовым, темным, как запёкшаяся кровь, башлыком. На войне была старая, с оторванными рукавами черкеска. На плечах такая же, выдавшая виды, чёрная бурка. Это означало: он или отчаянно беден, либо принадлежит к «озданам», к таким людям, которые, будучи состоятельными, презирали наряды, и только славный конь да богатое оружие составляли их гордость.

В поисках счастья и приключений, либо в силу суровых обстоятельств – кровной мести-канлы – они становились абреками и всю жизнь, как одинокие волки, рыскали и скитались в горах.

Но угрюмый наездник на пустынной тропе не принадлежал ни к первым, ни ко вторым. Гобзало из высокогорного аула Урада был мюршидом. Уо! Верой и правдой он служил много зим в одном из «летучих» отрядов наиба Хаджи-мурата, а когда бедовая голова последнего, сбившаяся с проторенной дороги отцов, была отсечена от тела шашкой гяуров, мюршида Гобзало за преданность и храбрость, приблизил к себе великий имам Шамиль.

И то, правда... Гобзало из Урады был испытанный воин. Смелый, но осторожный, отчаянный, но не безрассудный, он никогда не обольщался надеждой на лёгкую победу, всегда был на стороже и твердо держался мудрого пословья своего тухума: «На Аллаха надейся, но коня привяжи крепче».

Воллай лазун! Кто знает, кто ведаёт? Быть может поэтому, опытный вождь и наставник своих мюршидов – Гобзало, чья доблестная слава далеко гремела в горах, был до сих пор в седле, оставаясь для русских Огненной Рукой Возмездия грозного Шамиля.

... У мрачных, скалистых ворот, показавшейся впереди теснины, горец придержал кабардинца – «шалох», натянул украшенный серебряными бляхами повод. Гнедой масти жеребец замер, как вкопанный; гордо поднял голову, словно сознавал свою красоту и давал разглядеть себя со всех сторон. Конь и впрямь был прекрасен – это мог видеть всякий. Ни явных, ни тайных пороков у такого красавца быть не могло. В каждом напряжённом мускуле, связке, в каждом изгибе его поджарого сильного тела читалась дивная порода: высокий, крепкогрудый с тонкими, будто выкованными из стали ногами, с иссиня-чёрной гривой и длинным почти до земли хвостом, с атласной блестящей спиной, он был сама мощь и красота.

Гобзало закутанный в башлык и бурку, из-под которой торчала винтовка, тоже застыл в седле, напряжённо вглядываясь быстрыми чёрными глазами в щербатые уступы скал. Винтовка ещё мгновение назад, бывшая за его спиной теперь лежала поперёк седла, и чёрный провал её ствола хищно взирал на пустынную тропу.

Вдруг конь подозрительно фыркнул. Выворачивая фарфоровые яблоки глаз, вскинул морду и пошёл боком.

– Цу – цу! Стой! – сильная рука крепче сгорстила узду двойчатку. Высокие скулы Гобзало дрогнули, словно сквозь его душу пронёсся порыв ледяного северного ветра.

Покорность, обычно послушного коня, была недолгой. Скаун уже не стоял на месте, нервно переступал с ноги на ногу, дёргал головой. Будто хотел предостеречь. Оно и понятно! – кавказский конь тоже горец и часто – самый верный кунак своего господина.

Воллай лазун! Не потому ли о любви горцев к лошадям сложены легенды?

Жеребец вновь утробно зареготал, разметав смоляной разгривок, но железные пальцы мюршида, как орлиные когти, накрепко сдавили раздутые норы ноздрей.

Над каменной тропой повисла абсолютная тишина, нарушаемая лишь высоким отрывистым криком ястреба. Дрожь прошла по лицу всадника. В ушах звенело от напряжения. Казалось, в эти секунды он состоял из одних перетянутых сухожилий и мышц. И слышал учащённый стук собственного сердца. «Друг или враг?!» – молотом бухало в висках. Приглушённо клацнул взведённый курок. Но тропа, вымевшаяся по склонам горы, что вела в ущелье, оставалась безмолвной. И это колдовское безмолвие играло на оголённых нервах. Рождало какую-то душно-гнетущую тишь. Притих даже горный ветерок, что доселе резвился среди пёстрых альпийских цветов.

...Миг, другой, третий... Эти мгновения отсчитались в сознании Гобзало, подобно гулкому стуку падающих на дно медного жертвенника тяжёлых капель крови. И вдруг... мелкий, не больше лесного ореха камешек, скатившийся из-под бесшумных лап затаившегося среди базальтовых валунов снежного барса, разрядил невыносимую глушь.

Гобзало мгновенно вскинул голову и тут же поймал на мушку ощерившегося над ним зверя. Грозный отрывистый рык вырвался из оскаленной пасти. Длинный пятнистый хвост точно плеть, яростно бил по камням. Железные мускулы напряглись под шкурой при воспоминаниях об одержанных победах, об убитых, растерзанных и съеденных жертвах. Один лишь прыжок отделял матерого барса-самца от всадника.

«Волла-ги...» – урадинец не дрогнул. Тяжело перевёл дух. – пусть так... Но это лучше, чем неизвестность. С губ тихо слетело: – Иай, шайтан! Напугал... Ух-ходи пока цел, Пятнистая Смерть. Уходи, Турья голова тебе брат... турья голова. Да будет удача на твоей тропе.

При звуке человеческой речи, узорная шерсть вздыбилась на загривке зверя. Почти распластавшись на земле, барс выгнул спину и вновь угрожающе зашипев, оскалил клыки.

Большие глаза, горевшие лиловым огнём, и неотрывно следившие за всадником, в раз стали неподвижными. Теперь это был не просто красивый пятнистый сфинкс, а беспощадный опасный боец, вооруженный клыками и когтями, что по крепости и остроте не проигрывали булату; страх и колебание перед человеком уступили место ярости боя. Инстинкт самосохранения превратился в храбрость. В дрожащей ненавистью плазме глаз зверя отразился лик векового врага – человека. Статный в косматой бурке и такой же папахе, опоясанный шашкой и кинжалом с серебряной рукоятью. Весь его облик – бронзовое грубое лицо, твёрдая складка губ, горбатый нос, напряжённые крылья ноздрей и глаза, вспыхнувшие решительным страшным светом – ударили чернильной тьмой в раскаленные зрачки хищника. И тот ужаснулся сей непроглядной тьме, обрекающей его на неизбежную смерть.

Поединок взглядов длился не более трех- четырех секунд. Изумрудные глаза хищника почернели от бешенства, налились кровью: он принимал бой. Однако в неуверенной выживательности барса чувствовалось колебание охотника, который забрёл на чужую территорию. И впрямь, его обширные владения остались много выше в горах, в стране Голубого Безмолвия... Там, где покоятся вечные льды, где искрится алмазными филигранями ослепительно белый снег. И одному лишь Небу известно, что заставило Пятнистую Смерть спуститься к людским дымам? Быть может, погоня за жертвой?

Барс выжидал. И все же, тот самый древний инстинкт самосохранения неукротимо и властно приказал хищнику отступить перед вооруженным винтовкой человеком. Продолжая скалить клыки и прожигать мерцающим огнем глаз заклятого врага, зверь попятился. Вдруг, оттолкнувшись от базальтовых глыб задними лапами, он сделал гигантский прыжок длиной в целых двадцать пять локтей. Уже не оборачиваясь, прижимаясь к камням пушистым брюхом, хищник беглой, скользкой ступью обогнул замшелый выступ скалы и с глаз долой – будто и не был.

Гобзало бросил винтовку в чехол, не спеша разматал башлык. Подставил прохладному ветру пылающее лицо, провел рукой по вспотевшему лбу. Перед мысленным взором вновь промелькнула гибкая узорчатая спина, – владыки заоблачных снежных пиков.

Усталое лицо горца треснуло в улыбке. Он усмехнулся сам себе, словно вспомнил какую-то шутку, но белозубая улыбка его была жуткой и холодной, под стать влажному оскалу, и стаявшему в скалах хищнику.

После исчезновения барса, на горной тропе вновь загустела тишина, нарушаемая лишь металлическим стрекотом кузнечиков в тропе.

Покинув седло, Гобзало, напился студеной родниковой воды, пристально огляделся окрест. Тени редких деревьев и скал удлиннились. Огромный диск солнца садился за фиолетовой грядой вздыбленных гор, зажигая гигантский пожар в облаках. Надвигались зеленые сумерки, – время смуглых сиреневых теней и призрачных силуэтов. А до родного аула Урада, желанные сакли которого, как пчелиные соты, лепились в скалах Гидатля, было еще далеко. Следовало торопиться и, если в пути случится задержка, – подумать и о ночлеге.

Подойдя к коню, мюршид одним махом, с места, легким длинным движением взлетел в седло. Подобрал скакуна поводьями, он подстрекнул его пятками, ринулся вперед. Красавец-шаллох, только того и ждал; могучим прыжком отрываясь от земли на несколько сажень и почти не касаясь земли понесся по козьей тропе, коя минуя теснину, упрямо поднималась по склону скального громадьа – к Кахибскому перевалу.

Минута, другая... и всадник, пригнувшийся к пламенеющей гриве, превратился в движущуюся точку. Воллай лазун! Человеческому глазу не под силу было даже её рассмотреть. И только орлы, и грифы-стервятники, что парят в поднебесье, видят, что происходит на земле... Их зоркое око отчетливо различает и ползущих, как муравьи, по склону всадников, и, застывшие, словно пятно не растаявшего снега, отары овец, кабанов, и даже изумрудную ящерицу, что юркнула по голой скале, сверкнув своей пестрой спиной.

Высоко, еще выше оскаленных гор, неподвижно парят, распластав огромные крылья, орлы. Траурными распятыями висят они в яркой сини небес, не шевеля крыльями. Будто прихваченные невидимой лесой к безбрежному голубому своду... Но именно они – Следящие с Небес, знают в мире, что почём... Знают: где, кого и когда найдёт в его час Смерть... Где случиться предательство... Чьи это кости белеют среди камней...

Ведь не случайно в горах говорят: «На Кавказе больше глаз, чем камней» и ещё: «Белолицый чужак, пришедший в нашу страну, не знает ничего, горец же – всё».

* * *

В 1816 году, когда первый солдатский сапог ступил за Терек в пределы Чечни, Гобзало успел повидать на своём веку лишь четыре зимы. Но и тогда уже на равнинах, в горах лилась кровь; грозно рокотали боевые барабаны. А матери-горянки пугали своих непослушных детей генералом Ермоловым.

То время урусы считают первым периодом Кавказской войны, который они окрестили «ермоловским». Кратковременное командование Паскевича – графа Эриванского, целиком занятое защитой Кавказа от покушения внешних врагов – Персии и Турции, составляет одно целое с «ермоловской эпохой» и является её логичным продолжением.

...Когда Гобзало, сыну Ахмата из Урады, исполнилось двенадцать, он уже был крепкий волчонок-борги, ни днём, ни ночью не расставался с кинжалом и мечтал о воинской славе. Но, – адат суров. А голос аксакалов строг и непререкаем! Гобзало, как и другие сорванцы аула вынужден был помогать чабанам пасти баранту на альпийских лугах, да вываживать коней воинов, вернувшихся из набегов. Воинов, которые ему – мальчишке, казались не то прославленными героями из древних легенд, не то полубогами, что рождены из камня и выкованы из булата.

С нескрываемой завистью и восхищением смотрели на этих джигитов мальчишки. Точно на горных орлов смотрели, что слетались с кровавых равнин в родовое гнездо. Имя, которому и поныне – Гидатль!

* * *

В горах всякий знает... Связанная круговым кровным родством, взаимозависимая жизнь горных селений Гидатля тысячу лет ковала своё общество. Сделав его, в конце концов, неуязвимым и крепким, как стальная кольчуга.

Волла-ги! Гордый Гидатль никогда не был в подданстве ни Хунзахского, ни Аварского ханства, ни какого-либо другого. От создания мира, он всегда и во всём выступал, как равноправный, независимый и самостоятельный. Свидетельств тому немало и устных, и письменных. Но главное среди них – легенда о знаменитом Хочбаре, виденная очевидцами и начертанная для потомков арабским пером...

Билла-ги! Гидатль – воистину грозная, природная цитадель в горах Дагестана, куда никогда не ступала нога неприятеля. Союз селений: Урада, Тидиб, Генту, Мачаду, Хотоду, Гоор и Кахиб – это каменный кулак семи суровых племён. Вот, что такое Гидатль! Жители коего сотни веков защищали свои орлиные гнёзда и предпочитали смерть позору. Испытанные воины, которого, умели бесстрашно биться с любым врагом и неустанно мстить своим кровникам. Гидатль не особо зарился на чужое добро, свято верил в Создателя... От веку жил по законам Шариата и седых, как мир, адатов предков, чьи надгробья выпирали неотёсанными, покосившимися траурными плитами на родовых кладбищах – хабзал.

Бисмиллагъи ррахИмани, ррахИм... Гидатль жил, трудился и воспитывал детей во славу Всемогущего и Всевидящего.

И Он – строго Вззирающий с Небес, – был доволен ими.

Иншалла!

История племён и народов Кавказа, их жизнь и чаяния, отразились, как облака в прозрачной воде, в богатых горских преданиях. Идеалы добра и красоты, любви и верности, почтения к мудрости и сединам, мужеству и отваге, дружбе и взаимовыручке, выраженные в легендах и песнях, извечно жили в горах. Тем более, что у аварцев – гидатлинцев, они всегда сопровождались стремлением к победе добра над злом, осуждением подлости, лжи, трусости и измены.

* * *

...Ах-вах! Волчонку Гобзало почему-то казалось тогда, что эти отчаянные храбрецы... непременно должны были жить в дремучих лесах, в железных башнях, кои достигают верхушками неба и огорожены каменными стенами со стальными кольями, на которых насажены головы врагов – тушманчи.

Так казалось Гобзало...

Но возвращавшиеся из военных походов джигиты, на поверку не были сказочными батырами-великанами. Все они жили в соседних саклях, так же держали овец и быков, так же болели как все, но главное, совсем как обычные люди, страдали от ран, и что хуже всего, так же... погибали в схватках от пуль и штыков урусов...

Это открытие до мозга костей потрясло волчонка Гобзало; в дребезги разрушило его блистательный миф о неуязвимости храбрых джигитов Гидатля и их Урады. Но одновременно и закалило в иступлённой мысли: Уо! Где бы он ни был, куда бы ни забросила его судьба, – всегда и всюду он – Гобзало из гидатлинского аула Урада, будет мстить врагам за кровь своих соплеменников. Хай, хай, такова была жестокая правда детства и отрочества Гобзало. Такова была правда всех горских детей той кровавой поры... Да и была ли она когда другой на Кавказе?

О Алла! Сотни лет междоусобных войн! За место под солнцем в Дагестане тоже лилась кровь, пот и слёзы; в тяжелейшем труде над колодцами, в строительстве сторожевых башен на скалах; в неустанных заботах над фруктовыми садами, над каменными громадами, круто сбитыми в тысячелетиях, ломались ногти и жизни горцев. Тысячи лет зверели их сердца в битвах с аланами, татарами, персами и ... друг с другом. Дагестан страна гор и гора языков. Велико и сложно кавказское многоголосье. Трудно его понять. И мало кому, даже из самих горцев, удавалось говорить на языках соседей с безупречным произношением.

Волла-ги! Тысячи лет давили, душили и гнули их безмерные горы. Давили, душили, гнули... Но! – и вдохновляли на великие, благородные дела, изумляли и очаровывали сердца мужественных своих сынов и красавиц дочерей, и заставляли ещё больше, ещё крепче любить и ценить свою суровую, но прекрасную Родину.

Аварцы-горцы, дети Кавказа, а значит братья по духу и вере: черкесам, лезгинам, лакцам, даргинцам, чеченцам, ингушам и прочим магометанским племенам... А потому, могли ли они остаться в стороне, когда их порядку и миру, завещанному предками стал угрожать грозный враг, вторгшийся с севера? Нет, не могли! Разве страх перед смертью мог охладить кипящую кровь вольнолюбивых горцев, за которой стояли: Века войн, Века набегов, Века голода и крови? Нет, не мог! Тысячу раз не мог! Потому, что стойкая битва лучше шаткой молитвы. Потому, что пусть мать лучше умрет, чем родит труса! Потому, что горец рождается для того, чтобы носить оружие и ездить на коне.

Билла-ги! Кавказ всегда жил своей правдой: око за око, зуб за зуб, и гибель родственника от пули или кинжала соседа не новость для горцев. Народы суровых племен, возросшие для войны и мести, крайне редко могли искупить пролитую кровь уплатой – маслаата. В гудящих аулах пострадавшей родни чувство поруганной чести нередко переваливало за высокие гребни гор и заливало все долины и ущелья в округе.

«Разве мы не горцы? Разве обычаи забыли? Или шакалы-кровники думают, что аварцы примут позор, и дальше будут смиренно пасти скот? Канлы! Канлы!! Кровная месть!!!»

Талла-ги! Так было всегда на Кавказе. Таков закон гор.

И Всевышний был согласен с ними.

Иншалла!

Так стоит ли говорить о русских, посмеявших пролить горскую кровь, и осквернивших своим присутствием, священные для каждого кавказца горы и могилы отцов?!

Даже ислам не связывал горцев таким духовным единством, как неистовая жажда отомстить врагу за смерть соплеменников.

Теперь не трудно сказать, но так уж, видно сложились звёзды: на Кавказе не было ни общегорского национального самосознания, ни основ для крепкого союза раздираемых междоусобицами и вековыми распрями общин и племён, соперничавших за рынки работоторговли лучших пастбищ в горах. И лишь под кликой «Священного Газавата», который после гибели Казимуллы подхватил его ближайший сподвижник Гамзат-бек, а позже третий имам Шамиль, – почти четверть века, озверевшие от крови и войны горцы, фанатично вырезали иноверцев решительно по всему Кавказу.

Кто в те поры не слышал в горах воинствующих воззваний глашатая Кавказской войны – Магомеда Ярагского:

«Правоверные братья! К вам обращаюсь я, и да услышите вы все сказанное! Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Кто исполняет шариат, должен вооружиться, во что бы то ни стало! Бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни. Кто последует моему совету, того Аллах в будущей жизни с излишком вознаградит. Истребите урусов, как бешеных собак, освободите мусульман, братьев наших! Если вы будете убиты в сече, – рай вам награда! Если кто убьёт крестоносца и иудея, тому – рай награда!..»

Хай, хай... Такие призывы и кличи летели в те годы от горы к горе по всему Кавказу. Иншалла! Такова воля Аллаха! А с ней не дано спорить смертным.

В горах быстро взрослеют. Девочки становятся матерями, а мальчишки – мужчинами-воинами.

В четырнадцать зим – Гобзало уже сам добыл себе первого коня, угнав его из-под носа, рассупонившихся за картами и самоваром конвоиров из маркитанского обоза, что следовал из Герзель-аула в крепость Внезапную. А уже с пятнадцати, он влился в ряды послушников Газавата под предводительством легендарного земляка аварца Хаджи-Мурата.

С тех самых пор Гобзало ни разу не свернул с единожды выбранной тропы.

То был, по исчислению русских, второй период Кавказской кампании (30-е – 40-е гг.) – самая кровавая и грязная пора мюридизма. «Аллах Акбар!» Гобзало прекрасно помнил: огненная проповедь Кази-муллы и Шамиля тогда безраздельно владела сердцами и шашками Чечни и Дагестана. Громкие, как пушечные залпы, победы имама Шамиля тех лет, тому порука.

Уо–о–ех–е–ех! История Кавказа в те времена писалась не гусиным пером, а шашкой. Не чернилами, но дымящейся кровью.

* * *

...Рослый, бритоголовый Гобзало, с закинутыми за спину концами башлыка, придержал запаленного скакуна, давая тому отдохнуть. Шаллох рысил теперь легкой грунцей. Доехав до теснины, которая в этот час начинала дышать испарениями, горец бросил цепкий взгляд на высоко черневший острый, как буйволиный рог, выступ скалы и доверительно шепнул на ухо коню, совсем как старому кунаку:

– Б-алагъизе! Смотри, видишь Чор? Здесь нам будет дорога. Там опасно, глаз выколи. Но ты у меня хорошо знаешь тропу. У нас мало времени. Не подведи, брат!

Жеребец, рассыпая алмазные брызги, оправдывая своё имя Чор, – стрелой пронесся через бурлящую речушку и, грохоча и чакая по окатистой гальке, стал подниматься по щебням на гранитный угор. Картина эта осталась в памяти, проплывавших над тесниной, малиновых облаков, в ней решительно всё: горы, поток, конь и фигура всадника – гармонировало.

Между тем риск и впрямь был велик. Воллай лазун! Обычный путь через теснину представлял теперь большую опасность: мгlistый туман, будто влажные, липкие крылья демонов, наполнял её, и по узкой тропе ехать было рискованно. Да только не для джигита, родившегося в этих краях.

...Конь мюршида, казалось, осторожно вытанцовывал лезгинку по коварным извилам серпантинной горской тропы. Та змеилась по скальному откосу над глубокой пропастью; на дне её, справа от них, текла голубой бисерной ниткой речушка, слева, в предвечернюю изумрудно-сизую высь вонзалась копьём каменная громада; карликовые, узловатые деревья мохнатой папахой венчали эту неприступную и грозную стену.

Гобзало бойким скоком въехал на первый каменистый угор. Чор, попадая задними копытами на хрупкий, гремливый сланец, оскальзывался, пружиня, надавал на ноги, утробно храпел, но урадинец ястребом сидел на его спине.

Приструнив жеребца, мюршид охватил колючим взором угрюмые скалы. Хладный ветер трепал черные космы его папахи, ворошил шелковистую гриву коня.

Далекий напряженный взор мюршида бродил какое-то время по ледниковым пикам Аварских гор, по узким, как лезвие ножа, мрачным ущельям, по каменистым распадам и козым тропам, по альпийским лугам и где-то еще... Бродил, но лишь мгновенье, другое.

– Тцу-цу! – Конь устало продолжил путь. Грандиозная панорама, которой только что любовался взор, теперь была закрыта базальтовым навесом; ничего не было видно, кроме розовеющего лоскута неба, серо-фиолетовых скал, да бездны под ногами. Весёлый солнечный луч едва ли когда заглядывал сюда. Эта опасная дорога с циклопическими глыбами, свисавшими над ней, в юности доставляла Гобзало не притупленное еще чувство какого-то благоговейного страха.

...Взгорье с каждым шагом становилось всё более крутым. Поднимались медленно. Тропа петляла по узкому карнизу, который был немногим шире длины посоха чабана. Чор прыдал ушами, словно вырезанными из карего фетра и чутко ступал ногами, выбирая дорогу. Но Гобзало, оставался в седле спокоен, что камень. Ему ли горцу из Урады, было бояться глядеть вниз, опасаясь головокружения. Горская лошадь и горский человек. Волла-ги! Порой лошади или человеку изменяет сноровка и – они гибнут. Так было...и не раз. Иншалла. Да только не нынче!

Глава 5

– Бисмиллагъи ррахИмани ррахИм. Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Не было под Небом ни таких сил, ни таких препонов, которые могли бы противостоять железной воле Гобзало, попасть в родовое гнездо Урада. Да и не могло быть! Три причины было тому...

Первая: он, Гобзало сын Ахмата, преданный мюршид Имама, – обязан был попасть со своими послушниками в Гуниб для защиты последнего оплота, некогда великого Имамата.

Вторая: там, неподалёку от селения Ишичали, у подножия горы Килятль, что ещё недавно была цитаделью имама Шамиля, его ждал отряд мюршидов, вернее то, что от него осталось – двадцать семь человек, среди которых были два сродника-урадинца: одноглазый Магомед сын Исы, и Али, из рода Хижаловых.

Третья причина и самая главная: в Ураде оставалась его жена – любимая Мариам. Беременная Мариам, которая по срокам вот-вот должна была разродиться.

Вола-ги! Жена уже подарила ему двух прелестных, как небесные ласточки, дочерей – Хадижат и Патимат. Два альпийских горных цветка – тЕгъ. Нет слов, Гобзало безмерно любил их, лелеял и опекал, как только мог. Как умеет горячо любить своих дочерей сердце дикого горца. Но, как истинный воин, рождённый для битв и набегов, он всей страстью души лелеял мысль о варисе – наследнике-сыне.

Издревле на Кавказе особым уважением и почётом пользовались семьи, в которых было много сыновей. И неслучайно аварская пословица гласит: «Если родится сын – выстроится дом, если дочь – дом разрушится». Эта пословица имела в виду не только продолжение рода, но и обычай горцев строить дома сыновьям.

... И вот теперь, щедро подрезывая плетью коня, он мысленно просил у Всевышнего подарить ему сына. Просил в молитве – дуа, а позже вспоминал, как минувшей осенью, его черноокая Мариам вдруг изменилась, ровно боялась ему и себе признаться в том, что с ней случилась едва заметная перемена. А между тем, благодаря его семени, в глубине её молодого, крепкого тела образовалась завязь, крохотное мягкое зернышко, кое она различала, скорее интуитивно, по слабым, вкрадчивым ритмам в крови, по таинственным перебоям сердца; по непрерывному волнению, похожему на счастливый страх и беспричинную нежность, чуждую по природе отцу, но столь понятную и желанную материнской сущности.

Да – дай – ии! В горах Южного Дагестана, Аварии в соседней Чечне уже давно грохотали русские пушки, рушились скалы, отчаянно-зло звенела и скрежетала сталь, рвались ядра, свирепо визжала картечь... Идущие на смерть во славу Аллаха мюршиды захлёбывались собственной кровью... В Гидатле, и в частности, в Ураде, всюду были видны вооружённые с головы до ног люди, той же горской породы и крови, что и она... Их мир, как и её, Мариам, всё глубже, фатальней и гибельней увлекался в какую-то адову бездну, на дне которой уже много лет перекипала и клокотала кровавая сеча... Смерть от пуль и штыков урусов ежедневно косила горцев. Раскрошенные ядрами, обугленные сакли аулов источали тошнотворные, удушливые запахи мертвечины и падали; безглазые, безскулые каменные руины выглядели угрюмо и жутко. И сам воздух в ущельях, казалось, дышал угрозой и смрадом тлена.

Но Мариам – горянка, дочь Урады, уроженка гидатлинского вольного общества.

Его защитникам страх не ведом. Потому, что сказано под Великим Небом: «У героя всё добро – под ногою», потому что «у героя одно лицо, у труса – два», потому, что «ни мать, ни жена храбреца не плачут!»

В ушах Мариам звучали не только взрывы, предсмертные проклятья и стоны. В сердце и ушах её звучали древние, как горы, песни матерей Дагестана, что из века в век поют у колыбелей своих сыновей:

*Пусть у храброго отца
Не родится робкий сын,
Ибо должен будет он
Дать отпор врагам отца.*

*Пусть у робкого отца
Не родится храбрый сын,
Ибо должен будет он
Разделить позор отца...*

А потому Мариам улыбалась, вслушиваясь, всматриваясь в себя, в крохотную, пульсирующую жизнью капелючку... И бессознательно напевала:

*Ты пока, что колобочек,
Но потом ты станешь пулей.
Станешь молотом тяжёлым,
Что дробит и рушит скалы.
Станешь ты стрелой точной,
Не летящей мимо цели,
Станешь ты танцором статным
И певцом громкоголосым.
Перед воинами рода
Бегуном ты станешь быстрым
И наездником – джигитом.
По долине ты проскачешь,
Пыль из-под копыт взвьётся,
Чёрной тучей станет в небе...*

«О, Алла!.. Кто не слышал материнской песни, всё равно, что вырос сиротой, – говорят в горах. – А кто вырос без отца и матери, всё же не сирота, если пели ему над колыбелью наши дагестанские песни». Ай-е! Кто же мог петь, если не было ни матери, ни отца? Воллай Лазун! – Сам Дагестан пел, покрытые вечными ледниками пики Кавказских гор пели, бурные реки и стозвучные водопады пели, люди, живущие по горам, и орлы под облаками.

Хай, хай! Потому, не взирая ни на что, тихо, но уверенно напевала Мариам, нежно поглаживая отяжелевшее полушарие округлевшего живота, свято веря, что Творец на радость мужа, на сей раз подарит им сына:

*Будешь ты, сынок, расти, силы набирать,
Чтоб у волка из клыков мясо мог отнять.
Будешь ты сынок, расти, чтобы ловким быть,
Чтоб у барса из когтей тура утащить.*

*Будешь ты, сынок расти, чтобы все уметь,
Слушать речи стариков и друзей иметь.
Будешь ты, сынок расти, богатеть умом.
Тесной станет колыбель, ты взмахнёшь крылом.*

Сыном будешь для меня – матери родной,

*Зятем будешь для неё – матери чужой.
Мужем будешь для неё – молодой жены,
Песней будешь для неё – дорогой страны.*

Так, день за днём, в ожидании Гобзало, занимаясь бесконечными трудами по хозяйству, Мариам не забывала молиться и о своём суровом муже, жизнь которого была без остатка отдана священному Газавату. Стоит ли говорить? Верная, длиннокосая Мариам всем сердцем любила своего немногословного, скупого на ласку, твёрдого, как кремь, Гобзало. Любила и слабую жизнь, завязавшуюся в её чреве. Любила горы и цветы Урады, проплывавшие облака и парящих орлов над селением... Любила весь окружающий мир, так хорошо знакомый ей с детства. Любила и тайно, чтоб не навести беды, верила, что к ней, её детям и к любимому, он не будет жесток.

* * *

...Всадник и конь поднялись уже высоко и свернули в тесный проём, над которым дыбились с обеих сторон оскаленные утёсы. Тропа вновь петляла вдоль пропасти; бездна курилась космами густого тумана, бродившего где-то там, безмерно глубоко, тяжёлыми волнами. Это был какой-то ад, страшный, неразгаданный, подобный вместилищу огнедышащего иблиса... Впереди, в бледной сукрови небес, едва проглядывал гребень монументального хребта; снежные вершины намечались в зыбком тумане, чуть уловимые, лёгкие, полупрозрачные, словно мираж. В теснине было тихо, только цоканье копыт гулко и сиро отдавалось, да в призрачной глубине незримый поток нашёптывал таинственный, древний сказ, пробиваясь между обломками молчаливых скал. Временами, одинокие хищные птицы, спугнутые неожиданным появлением всадника, камнем срывались с утёсов и улетали прочь, бесшумно кроя крыльями воздух.

...Насилу они взобрались на самую высшую точку горного плато. Конь встал, будто вкопанный, не обращая внимания на жгучую плеть.

– Что с тобой, брат? КигІан заманаяль чезе колел? Сколько будем стоять? – хрипло, с раздражением гаркнул мюршид, не покидая седла. Однако, прежде ладный, ступистый шаллох, – режь его, отказывался сделать хоть шаг.

– Э-ээ, шайтан! До Урады, всего ничего, а мы стоим!

Гобзало проворно соскочил на землю, живо осмотрел копыта и бабки скакуна – «нет ли порчи?», расстегнул подпруги, снял попону с седлом и с беспокойством оглядел спину. – «Да нет, не сбил».

Изнуканный Чор, тяжело дышал, и было очевидно: нет в нём ни прежней прыти, ни силы, ни езды. Изнурённо поводя агатовыми глазами, конь доверительно уткнулся бархатным носом в плечо господина, будто извинялся, и тот, отпустив повод, благодарно погладил умную морду четвероного друга.

– Мун лыйкІа – в хІухъан в-уго. Ты славный работник. Тебе надо отдохнуть. Иншалла. Все устают. И люди и лошади. Волан лазун. Все три последних солнца, я не покидал твоей спины.

Они расположились под одиноким деревом. Настал час заката. Багряный свет зари разлился по драконьим гребням гор, озарил тревожными кровавыми отблесками половину неба. Дневные звуки и голоса затихли. Теперь слышался только вой волков, крики ночных птиц и беспрестанный стрёкот цикад. Когда последние лучи солнца догорели в облаках, на востоке народился перламутровый диск полной луны.

Поглядев на звёзды, на луну, Гобзало безошибочно рассчитал: давно уже настала пора маркІачІул-как – сумеречной молитвы, что вершится мусульманами, когда на горизонте совершенно исчезают лучи солнца.

В кумгане, всегда возимом в походных сумках, воды оставалось на три-четыре пальца – мало для должного омовения, но важнее всего другого, – традиция. И Гобзало не преминул воспользоваться остатками драгоценной влаги.

Разувшись и совершив ритуальное омовение, мюршид встал босыми ногами на бурку, лицом в сторону Мекки, потом сел, и, заткнув пальцами уши, закрыв глаза, произнёс, обращаясь на восток, канонические молитвы.

Всё это время его лицо было строгим и серьёзным. В очередной раз, прижав лоб к земле, он надолго замер в молитвенном созерцании, не желая поднимать голову, упав ниц перед Всевышним, признавая лишь его всеутверждающую и безбрежную власть над собой и над всем сущим.

Нет, Гобзало не умолял Аллаха о спасении, о даровании ему и его близким жизни и благополучия.

Нет, он не молил о сбережении своей сакли и накопленного за жизнь добра. Не просил и об окончании очевидно проигранной горцами войны, и установлении мира, чтобы озверевшие люди перестали, наконец, убивать, ликовать, когда ещё один дом отрывался от земли, парил в воздухе среди красного вихря, а потом, теряя форму, осыпался грудой обожжённых камней...

Нет, ничего этого не было в позе молящегося Гобзало из Урады. Лишь безграничное смирение, преданность воле Всевышнего, упование на Его промысел, недоступный человеческому разумению. Потому, что «с молодых ногтей» он крепко держал подо лбом: «Всё в этом мире в руках Всевышнего, и всё с Его воли. Иншалла».

Когда намаз был закончен, Гобзало медленно огладил поднятыми кверху ладонями лицо, соединив их на подбородке. И долго ещё сидел так на косматой бурке, глядя на Небо, орнамент звёзд которого с наступлением темноты усложнился. В нём возникли новые мерцающие узоры, туманности, млечные мазки. И среди чёрного бархата, над пиками гор, над безднами и ущельями, над спящими аулами и селениями, выложенный алмазами, блистал огромный ковш.

...Ночь безраздельно и широко распахнула над Дагестаном свои чёрные крылья. Они затенили плотной пеленой восток, затянули траурным крепом, и горевшую дотопле алюю, как сабельная рана, полосу на западе.

Ночью в горах холодно. Гобзало вернулся под разлапистую сосну, где покоились на траве перемётные сумы-хурджины; укутался в бурку, крепко задумался над своей судьбой.

* * *

Гобзало из Урады всегда верил в своё счастье. В сокровенной молитве – дуа, он просил у Аллаха: «Если я задумаю дело праведное, то укрепи мою волю и дух... Сделай глаз мой зорким, как у беркута, а руку твёрдой, что яшень».

Воллай лазун! Гобзало был от рождения горец и мыслил, как горец, своего жестокого века: попал во врага, убил, – совершил праведное дело! А стрелял он, хвала Всевышнему, быстро и точно, как молния. С пятисот локтей мог попасть, на выбор, хоть в правый, хоть в левый глаз, хоть в висок, хоть в скулу. А значит, по поверьям горцев, все его последние ратные дела были праведными.

Дочки Гобзало: Патимат и Хадижат, как о чем-то чудесном и магическом, шептались с подругами у родника:

– Небом клянусь, если отец задумал что-то... Ах-вах иту! Всегда ложится на левый бок, чтоб услышать сердце – раки.

– Только на утро такого сна он скажет своё решение. А оно у него, как выстрел. Как полёт пули. Обратного не воротить. Верно, говорят: «Шёлк крепок в узле, джигит – в слове».

И все горянки с кувшинами благоговейно затихали после таких откровений. Склоняли головы. Такое предвиденье во снах, почитали за сверхъестественное, данное человеку свыше. Потому о бесстрашном и неуязвимом Гобзало, люди Гидатля говорили всегда с почтением, как о герое:

– Ай-е! Гобзало сын Ахмата из рода Танка!

– Ва-ах! Настоящий воин-гази, мюршид Имама. У него слово не расходится с делом. Сказал – отрезал. Достал кинжал – убил.

– Э-ээ... это не вор – абрек. Не грабитель – абрек. Это воин Аллаха, коий, когда убивает, точно сам Аллах убивает!

Заслужить такую славу! Такой почёт и уважение в Ураде, в Гидатле, среди суровых воинов-горцев, выдавших виды испокон веков, – оо-чче-ень не простое, сверхтрудное дело!..

* * *

Гобзало и сам верил: все его дела праведные. Встав под знамёна имама Шамиля, он посвятил себя Газавату против неверных. А это ли не порука праведности для мусульманина? Потому, затевая что-нибудь, он был наперёд твёрдо уверен в удаче, – и право, всё удавалось ему. Иншалла. Так это было за редкими исключениями, во всё продолжение его бурной военной жизни.

Взирая на звёзды, что мерцали над ним зелёными и голубыми ожерельями, словно шитые по бархату драгоценные арабские письмена, глядя на светящийся млечный лик луны, он надеялся; так будет и дале. Представлял себе, как он с отрядом верных мюршидов, что остались ждать его у горы Киятль, близ Ишичали, прорвётся в Гуниб на выручку Шамилю. Как они отобьют все атаки свирепых урусов... А позже, великий, непобедимый имам, вновь гордо поднимет знамя Имамата... И будет повелевать не только Аварией, Дагестаном, Чечнёй, но и всем Кавказом – от моря до моря – обширной горной страной, – где править будут праведные низамы, основанные на шариате и священных адатах пращуров.

Так думал Гобзало, коротая ночь. И его фигура в свете луны, будто отлитая из чистого серебра, вместе с сиянием низких звёзд, отражалась в лиловой яшме глаз жеребца.

Но теперь горы Кавказа сотрясало раскатистое, победоносное русское «ур-ра!» 1859 года. Давно кануло в лету время величия Имамата. Увяло и поникло, стократно пробитое картечью и пулями, опалённое огнём и исколотое штыками знамя Газавата. К сему сроку Гобзало уже видел на своём веку сорок шесть зим. И не многим меньше было ран и ожогов на его теле.

На лице мюршида появилась улыбка, похожая на трещину в камне. «Могила героя – не на кладбище... – вспомнилось ему. – После смерти коня остаётся поле, после смерти воина – имя. И ещё, – жизнь храбреца – четверть века, ведь сабля врага не знает жалости, а пуля – глаз. Что-то зажился я на этом свете... Но ведь и нашего имама не знает пуля. Мясо – с кровью, храбрый – с жизнью. Быть может, не зря Аллах сохраняет нам жизнь?... И всё, как молитвенные чётки, связывает общей нитью, сводит в точку. Кто знает? Вдруг да в одно прекрасное утро проснётся Дагестан, а власть и победа, – наши! А то вороньё, что ныне сладкую кость долбит и торжествует победу, прокаркало свою удачу. Не у них богатство, войско, власть!.. И могущество их истаёт, как снег под лучами солнца!».

«Да-дай-и! Если бы так...» – он задохнулся от страдания. Хриплым кашлем вытолкнул из себя колючий ком боли. Поднял глаза на медные ветви сосны. Тёмная шишка с тихим стуком упала на каменистую, усыпанную стеклянными иглами звериную тропу. Упала... А по бронзовому чекану лица Гобзало прошла судорога отчаяния. Чернильно-золотое, фиолетовое дрожание яростных не мигающих глаз обожгло небо.

Урусы! Заклятые враги! О стальную мощь которых, раз за разом, разбивались ревушие, кровавые волны мюршидов.

«Бисмиллагъи ррахИмани ррахИм! – жестокая, звериная судорога вновь передёрнула, исказила скулы и губы мюршида.

О, Алла! Почему?! Почему, гяуров так много? Почему они так умны и сильны? Э-э... Чем провинились мы – твои дети?... За что, Ты, столь сурово караешь нас? За пролитую кровь? За посеянную смерть? О, да-а... Ты прав, Создатель. Война не родит сына, а родив, – убивает.

«Но лучше смерть, иль вечная слепота, чем позор и бесчестье» – говорит наш адат. Герой умирает однажды, трус – сто раз! Нет, уж лучше погибель. Джигит умрёт, но слава живёт!

О-о, Всевидящий и Милосердный... Да поможешь Ты Шамилю, – Повелителю правоверных! Надеюсь, Ты простишь Имаму и всем нам эти жертвы...за нашу веру в Тебя, за нашу любовь к Кавказу, за преданность нашей земле.

Волла-ги! Это наши горы! Что хотим, то и делаем с ними! Как можем, так и защищаем их! Храбрец сохраняй аул!

В исступлении сжатые на рукояти кинжала пальцы, побелели как снег. Голоса тысячеклещей стучали в горячей крови урадинца: скорбный скрип арб и кибиток обездоленных беженцев...Надрывное гиканье погонщиков, стоны и плач горянок, согнанных войной с родных гнёзд!

Уо! Поэт-шагир или провидец, – мудрец-гакъил уловил бы в сём клочкотании крови – суровые ритмы веков Кавказа. Его боль и отчаянье, голод, битвы и смерть.

Раскалённая память Гобзало ворвалась в каньоны, в ущелья, в мрачные дымные сакли. Свергаясь с горней высоты в бездну, отгремевшего орудийными залпами времени, выхватывала из неё, подобно орлиным когтям, – пожары и кровавые сечи Валерика, Гергебеля, Темир-Хан-Шуры, Ахульго, Дарго-Ведено, Салты, Ашильты...

И всякий раз горы Чечни и Дагестана пылились, розовели, становились багряными, превращались в кровавый рубин перед мысленным взором Гобзало.

Билла-ги! Сквозь жар боя, что вспыхивал порохом в памяти, он будто воочию снова и снова видел густые полки русских штыков и сабель. Один за другим, сквозь дрожащее пламя и дым, входили они в пропитанную кровью очередную столицу имама. Артиллерийское гулкое эхо продолжало раскатисто грохотать в скалах, закладывая уши и с дьявольским рокотом уносилось к хребтам, захлёбываясь, лишь в белом безмолвии заоблачных ледников.

Резко и бегло звучали сигнальные горны, гремуче трещали ротные барабаны и ржавые от крови штыки добивали, гвоздили героев – защитников Гимры, Ахульго, Ашильты, Аргуна...

... И в крохотной точке, блиставшей оружием, в пыльном сонме – грив и папах, – стремительно уходившей, не то в каменное громадьё Дагестана, не то в лесные дебри Чечни, – он различал летучий отряд мюршидов, прорвавших «в шашки», солдатский строй. И в этом отряде, он зрел неукротимого Шамиля, его ближайших наибов: Батуко из Шатоя, Ахбердила Мухаммада, Кади – Магому, Дуба, Идиля Веденского, многих других испытанных воинов-гази и себя, – Гобзало Урадинского, – нещадно рубившего плетью круп скакуна, не ведая по какому роковому полёту стрелы, несётся его судьба.

...Талла-ги! Вонзаясь кинжалом памяти в кипящую круговерть былого; слыша стоны, проклятья и вопли умирающих, отдавших жизнь за Газават, Гобзало выхватывал из бездны времени друзей-кунаков, сродников из Гидатля, воскрешал их улыбки, речи у походных костров, их смелые соколиные взоры. И они поднимались из небытия, проступали сквозь кромешный ад дыма и огня, и виделись, как живые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.